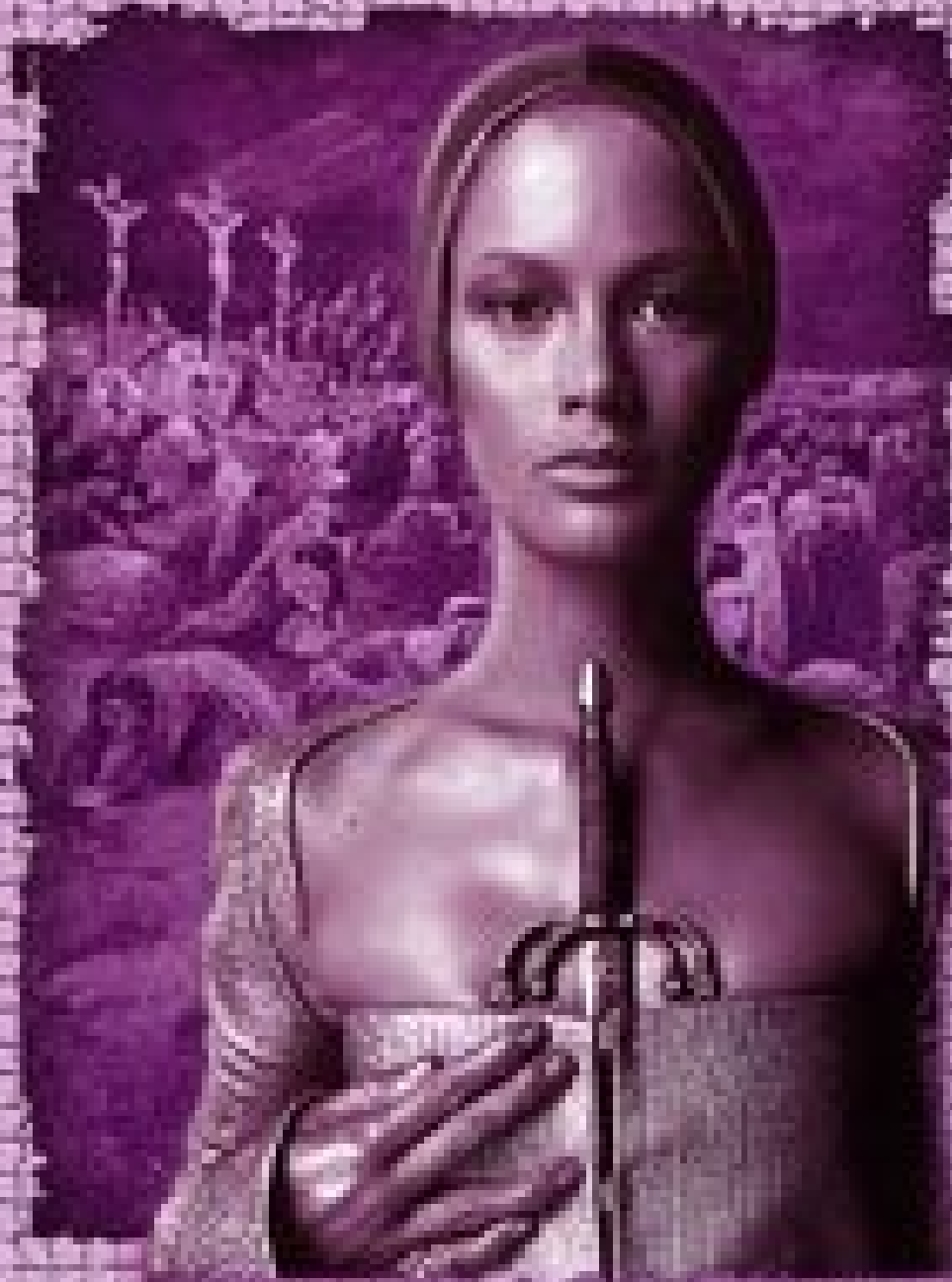

Александр Куртэ

СМЕЮЩИЙСЯ ХРИСТОС

Бог изгнал человека из Рая, уничтожил мир во времена Потопа... А потом пришел, чтобы спасти нас.

Пятая Печать Апокалипсиса говорит о святых, «убиенных за слово Божие». Странно ли, что эта книга о Боге?.. Точнее, об отношениях человека с Богом.

«Смеющийся Христос» Анхеля де Куатьэ — необычная, в чем-то даже шокирующая притча, яркая с художественной точки зрения и необыкновенно глубокая по сути. Перед нами тайна Христа — тайна Его слез, Его отчаяния и Его великой, всепобеждающей радости, истина, заставляющая нас смеяться и плакать!

Данила теряется вне времени и пространства. Находясь на грани душевного помешательства, он сталкивается с парадоксальной задачей, у которой нет логического решения. Он и палач, и спаситель... Только осознав свой страх, пройдя сквозь него, Избранник узрит Тайну пятой Печати.

Испытание Избранных началось. Кто будет следующим?

Анхель де Куатьэ.

Тайна печатей. Пятая печать.

«Смеющийся Христос»

Анхель де Куатьэ
Смеющийся Христос

Каждое произведение Анхеля де Куатьэ заставляет нас о многом задуматься, переосмыслить какие-то вещи, по-новому взглянуть на окружающий нас мир. Но «Смеющийся Христос» — это что-то большее, нечто более значительное!

Когда я прочел рукопись, а читать я стал ее сразу и не остановился, пока не дочитал до конца, — я пережил шок... Это не просто неожиданная, особенная, новая книга Анхеля де Куатьэ, это принципиально новая его книга!

Десятки раз авторы брались за эту — евангельскую — тему. Достаточно вспомнить «Иуду Искариота» Леонида Андреева и «Великого канцлера» Михаила Булгакова. Эти удивительные книги, кстати сказать, уже вышли в библиотеке Анхеля де Куатьэ.

Можно, кроме того, вспомнить книги Дмитрия Мережковского и Александра Меня «Иисус Неизвестный» и «Сын Человеческий» — произведения не столько литературные, сколько философские, взгляд великих русских мыслителей на жизнь и внутренний мир Иисуса Христа.

Наконец, и современной литературе совсем не чужда эта тема. Кто слышал о бестселлере Дэна Брауна? А многие, возможно, уже познакомились и с другой, куда более глубокой и увлекательной, на мой взгляд, книгой — романом Гарольда Голда «Тайна кода да Винчи», где вечная библейская история приобретает совершенно новое, пронзительное, философское звучание.

Впрочем, какие бы произведения, «обыгрывающие» тему Евангелия, мы сейчас ни вспомнили, история, рассказанная Анхелем де Куатьэ в книге «Смеющийся Христос», произведение по-настоящему особенное — острое, прочувствованное, яркое с художественной точки зрения и необыкновенно глубокое по сути.

Сначала кажется, что перед нами просто два параллельных сюжета, причем оба рассказывают библейскую историю, но прямо противоположным образом. Но в какой-то момент мы начинаем понимать, что эти сюжеты вовсе не параллельны друг другу. Нет! Это один сюжет! И более того, этот сюжет не библейский...

В общем, трудно удержаться от того, чтобы не начать пересказывать «Смеющегося Христа». Еще труднее не поделиться теми мыслями, которые рождает роман! Но я должен сдержаться и дать читателям возможность самим насладиться потрясающим сюжетом книги, ее интригой и особенной, пронзительной мудростью ее создателя.

Все мы ждали, что эта книга будет особенной, — Апокалипсис более не упоминает о Всадниках, пятая Печать Откровения говорит о святых, «убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели». Странно ли, что пятая по счету книга, рассказывающая о тайне Печатей, — это книга о Боге?.. Точнее, об отношениях человека с Богом.

Издатель

Предисловие

Андрей с Гаптенем сидели над текстом Апокалипсиса. Эта книга уже не раз давала нам важные указания, которые, впрочем, мы всегда расшифровывали слишком поздно. Понимали, что называется, задним умом.

Но если текст уже существует, то почему нельзя разгадать скрытое в нем пророчество, увидеть будущее?

Апокалипсис говорит о четырех Всадниках, и мы нашли их — Отто, Нина, Лора, Павел. Каждый хранил в себе тайну Печати, страшные человеческие качества: стремление к власти, эгоизм, зависть, слабость.

Но что теперь? Строки Откровения, рассказывающие об оставшихся трех Печатях, не

упоминают о Всадниках.

— Значит, так, — Гаптен подвел итог долгому разговору, — каждой Скрижали соответствует своя Печать.

— Так, — кивнул головой Андрей.

— Проще говоря, есть истины — Скрижали, а есть препятствия, которые удерживают человека на пути к этим истинам. Это препятствия и есть — Печати.

— Все верно, — подтвердил Андрей и снова кивнул в знак согласия.

— Мы знаем семь Скрижалей, — продолжал Гаптен.

— Нет, — поправил его Андрей. — Мы знаем шесть. О содержании седьмой Скрижали мы только догадываемся. Так будет правильно сказать.

— Ну да, — спохватился Гаптен. — Седьмая Скрижаль — о сознании, и она — ключ к первым шести истинам. Если мы найдем все семь Печатей, то узнаем седьмую Скрижаль, а она в свою очередь проявит силу первых шести.

— Все верно, — Андрей снова качнул головой.

— Так... — Гаптен на секунду задумался. — Значит, первая Скрижаль и первая Печать — это отказ от «эго» и отказ от власти...

— Нет-нет, — замотал головой Андрей. — Это мы раньше думали, что первая Скрижаль говорит об отказе от «эго». Теперь, когда мы знаем, что первая Печать — это стремление к власти, значение первой Скрижали приобрело другой, более объемный и более точный смысл. Первая Скрижаль не об отказе от «эго». Это свобода от...

Андрей запнулся, подыскивая нужное слово.

— От соперничества, — вставил я.

— Правильно, Анхель! Свобода от соперничества, — подтвердил Андрей. — Речь в первой Скрижали идет о подлинной уникальности каждого человеческого существа. Умирает «эго» — освобождается душа. Это как новое рождение.

— А «эго» человека формируется как раз в борьбе за власть, когда он хочет быть умнее других, лучше других и так далее, — продолжил Гаптен. — Постоянно повторяет про себя: «Я! Я! Я!»

— Да! — загорелся Андрей. — А поскольку каждый из нас абсолютно уникален, то состязание, соревнование, соперничество между нами невозможно в принципе! Мы не можем быть ни выше, ни ниже друг друга. Поэтому отказ от себя, от своего «эго», смерть «эго» — есть не что иное, как обретение себя. И это первый шаг к внутренней свободе, свободе от страха.

— Вторая Скрижаль и вторая Печать, — продолжил Гаптен. — Ощущение Другого, его уникальности и инаковости...

— За счет отказа от эгоизма, — подхватил Андрей. — Эгоизм — это главное препятствие. Тайна второй Печати. Когда мы отказываемся от своих требований к другим людям, от своего желания переделать их под себя, мы ощущаем их уникальность и испытываем счастье. Увидев душу другого человека, мы освобождаемся от одиночества. И от страха, конечно! Потому что, если ты не одинок, по-настоящему не одинок, ты уже не можешь бояться.

— Все правильно, — улыбнулся Гаптен. — Третья Скрижаль — об иллюзорности окружающего нас мира. Человеку кажется, что он стоит на дороге, пролегающей между страданием и счастьем. Бойся страдания и жаждет счастья. Испытывая боль, он бежит к счастью, но всегда безуспешно. Потому что страдание и счастье не связаны друг с другом никакой дорогой. И только мы сами выбираем, по какому идти пути. Только мы сами решаем, как воспринимать окружающий мир — видеть в нем ад или рай.

— Царство иллюзии, — добавил Андрей. — Когда ты понимаешь, что вещи не бывают хорошими или плохими, но такими они становятся лишь в нашем восприятии, ты открываешь

главное — истинный мир лежит за всеми этими оценками, объяснениями и восприятиями. Иллюзия дурачит нас. Истинный мир — это Свет. И все. Один только Свет. Вот что такое мир.

— И соответственно — тайна третьей Печати, — подхватил Гаптен, — зависть. Только избавляясь от зависти, человек может смотреть на мир непредвзято. Мир вокруг человека, освободившегося от зависти, лишается знака — плюса или минуса, он является ему реальным.

— Как чистый Свет, — тихо прошептал я.

— Как чистый Свет, — повторил Андрей.

— Хорошо, — подвел итог Гаптен. — И тайна четвертой Печати — слабость. Для доверия, о котором говорит четвертая Скрижаль, нужна сила, внутренняя сила. Все сходится.

— Все сходится, — подтвердил я.

— Только вот что дальше — непонятно, — сказал Андрей. — Апокалипсис больше не говорит о Всадниках. Еще три Печати — пятая, шестая и седьмая, но все непонятные.

— Но до сих пор в тексте Апокалипсиса были точные указания, — задумчиво пробормотал Гаптен. — И Скрижали, и Печати...

— «И когда Он снял пятую печать, — Андрей, наверное, уже в сотый раз перечитывал эти строки из Апокалипсиса, — я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святой и истинный, не судишь и не мнишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их, и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число». И братья их, которые будут убиты... дополнят число, — задумчиво повторил Андрей. — Неужели речь идет о смерти некоего *Избранника*? Дополнят число... убиенных за слово Божие.

— *Избранника*?! — прошептал я и физически ощутил, как мои голосовые связки напряглись и сомкнулись.

— Всадников больше не будет, — в голосе Гаптена прозвучал ужас. — То есть что... будет *Избранник*?!

— Данила? — Андрей произнес это громко, недоуменно, растерянно качая головой из стороны в сторону, словно бы отказываясь в это верить. — Вы имеете в виду, что...

Как по команде мы вскочили со своих мест и бросились искать Данилу. Он должен был находиться в центральном узле, отслеживать данные. Мы делали это по очереди, и сейчас как раз была его смена.

Но, к нашему ужасу, центральный узел был пуст. Гаптен дал своим сотрудникам задание восстановить картину происшедшего. Уже через десять минут мы знали, что случилось в бункере, пока мы сидели и гадали над текстом Апокалипсиса.

Данила действительно находился в центральном узле. Потом он вышел, прошел по коридорам до зала Двадцати Четырех и скрылся за дверью. Никаких камер, фиксирующих происходящее в этом помещении Центра, нет. Поэтому о том, что там происходило, мы не знаем.

Спустя полчаса Данила снова появился в коридоре, прошел к выходу из бункера, зашел в лифт... Больше никакой информации.

*«И когда Он снял пятую печать,
я увидел под жертвенником души
убиенных за слово Божие и за
свидетельство, которое они имели.
И возопили они громким голосом,
говоря: доколе, Владыка святой и*

истинный, не судишь и не мнишь
живущим на земле за кровь нашу?
И даны были каждому из них
одежды белые, и сказано им, чтобы
они успокоились еще на малое время,
пока и сотрудники их, и братья их,
которые будут убиты, как и они,
дополнят число».

Откровение святого
Иоанна Богослова,
6:9-11

Почти полвека назад немецкий сказочник Джеймс Крюс поведал миру историю о том, как Тим Талер повстречал Дьявола. Страшного гражданина в клетчатом пиджаке звали барон Треч. Если прочесть это имя задом наперед, то получится — «Черт». Так что сомнений в дьявольском происхождении барона нет никаких.

Но что понадобилось черту от бедного мальчика-сироты?.. Ведь какой-то интерес у него был, потому что темные силы не являются к нам без нужды.

Дьявол позарился на веселый, раскатистый, бесстрашный и счастливый смех маленького Тима. Позарился и начал торг. Но что он мог предложить смеющемуся Тиму? То, в чем Тим испытывал нужду. А Тиму нужна была свобода. Самая малость свободы, крошечная толика.

Мальчик хотел выполнить свое обещание и расплатиться с блошницей, которой задолжала его бестолковая мачеха. Освободиться... А еще он хотел поставить на могилу своего отца гранитную плиту с надписью: «От твоего сына Тима, который тебя никогда не забудет». И это тоже свобода — отдать внутренний долг.

Да, Тиму нужно было совсем немного свободы, совсем чуть-чуть — получить возможность сделать то, что ты считаешь важным.

Тим продал свой смех не задумываясь, в два счета, после первого предложения барона Треча. Продал, не успев понять, что страшный контракт отнимал у Тима именно то, что он искал, — свободу. Потому что смех — это и есть подлинная свобода. Если ты способен смеяться, значит, все еще возможно, значит, жизнь продолжается, значит, ты — человек, а это дорого стоит. Но о том, что именно ты теряешь, узнаешь, только потеряв или... продав. И Тим узнал, но было уже поздно.

Но было у Тима еще одно качество, которое черт и не думал покупать. Не понял, видимо, ценности... Это качество — доброта. Оно-то и спасло Тима. Ведь доброта — сила, которая находит нам друзей. Никаким другим образом друзья у нас появиться не могут, только через доброту.

Доброта нашла друзей неулыбчивому Тиму, а друзья Тима нашли способ вернуть ему смех. Но немногие видят эту истину в сказке Джеймса Крюса, наивно полагая, что речь в ней идет только о смехе и о деньгах.

«Тим Талер взамен проданного смеха сможет выиграть любое пари», — значилось в контракте Тима, который он подписал с бароном Тречем. И еще, по другому пункту этого контракта, Тим должен был хранить тайну договора. В противном случае его смех навсегда бы остался у Треча.

Положение Тима было почти безвыходным, но его друзья сами догадались о содержании контракта и заключили с ним пари. Они поспорили с Тимом, что тот не сможет вернуть себе свой смех, и смех вернулся к мальчику-миллионеру, потому что по контракту Тим выигрывал любое пари.

Хорошая сказка со счастливым концом.

Но давайте представим себе, что черт — барон Треч — знал бы о главном достоянии Тима. Знал бы, что это вовсе не смех, а доброта. Что именно доброта — высшая ценность, которая дороже всего на свете, дороже не только всех богатств мира, но и свободы, и смеха.

И вот Дьявол является на встречу с Тимом, но не как покупатель, а как продавец. Является и предлагает Тиму кое-что купить у него в обмен на его смех...

Да, если бы черт знал о том, что такое доброта, он бы не попался в ловушку, которую приготовили для него друзья Тима. Он мог предложить Тиму купить у него счастье для многих-

многих людей, купить много счастья в обмен на одну — его, Тима, — улыбку.

И что бы случилось тогда?.. Разве доброта Тима позволила бы ему отказаться от такой сделки? Нет, не позволила бы. И добрый Тим расстался бы со своим веселым, раскатистым, бесстрашным и счастливым смехом. Расстался бы навсегда...

Часть первая

Данилу приветствовали у парадного входа большого мрачного здания, расположенного на тихой улочке в самом центре города. Все окна наглухо закрыты, никакой вывески, никаких указателей или табличек. Неразговорчивые с серьезными лицами люди в костюмах отработанными движениями одну за другой открывали перед Данилой тяжелые двери. Длинные пустые коридоры. Чисто, аккуратно и холодно.

— Спасибо, что пришли, — сказал мрачный кареглазый человек тридцати с небольшим лет с короткими, черными как смоль кудрями.

На незнакомце был элегантный приталенный костюм в тонкую полоску, яркий дорогой галстук, лежавший поверх белой рубашки с высоким воротом и накрахмаленными, выглядывающими из рукавов пиджака манжетами. Огромные белые камни запонок хищно поблескивали в лучах искусственного, почти мертвецкого света люминесцентных ламп.

— Я все еще не уверен, что это было необходимо, — уклончиво ответил Данила и огляделся.

Это был некий кабинет-гостиная — вытянутый, темный. Окна занавешены тяжелыми бордовыми гардинами с золотыми кистями. Высокие книжные шкафы вдоль стен. Длинный лакированный стол на кривых ножках в центре комнаты. Вычурные барочные кресла. Несколько диванов. Картины, почерневшие от нескольких слоев лака. Гигантский камин с металлическими решетками и изразцами.

— Присаживайтесь, — незнакомец показал на очень красивое старинное кресло, стоявшее у незажженного камина.

Данила остался стоять на месте. Но странный человек в костюме не обратил на это никакого внимания. Легким кошачьим шагом он пересек комнату и занял соседнее кресло перед камином. Данила помедлил еще пару секунд и через силу заставил себя сесть. Потянулась долгая, ничем не объясненная пауза.

— Что вы хотели мне рассказать? — спросил наконец Данила, и его брови, изогнувшись, сошлись у переносицы. — Я готов выслушать ваше предложение.

— Мы уже давно следим за вами, — отозвался незнакомец, пристально глядя в пустой камин. — В вас как-то очень быстро разглядели Избранника... Но не ошиблись. Вы действительно тот, за кого вас приняли.

— И что из этого следует? — Данила непонимающе уставился на своего странного собеседника, но тот опять ничего не ответил. Данила помолчал и, слегка улыбнувшись, иронично добавил: — Знаете, вы так это сказали, что я *Избранник*, будто бы у вас есть какие-то измерительные приборы, детекторы, которые это показывают.

Незнакомец продолжал молчать и смотреть в черную глазницу спящего камина.

— Вы меня пригласили в молчанку играть? — взорвался Данила, собираясь уже встать и уйти.

— И куда вы собрались? — невозмутимо протянул незнакомец.

— Туда, откуда пришел, — бросил в ответ Данила и поднялся с кресла. — Не вижу смысла здесь оставаться.

— Данила, — странный человек посмотрел ему прямо в глаза долгим немигающим взглядом. — И что вы собираетесь там делать? Неужели вы так и не поняли, кто эти свихнувшиеся мудрецы из Всемирной Академии Астрального Знания?

— Я вас не понимаю. К чему вы клоните?

— Вы — Избранный, Данила. Это правда, — продолжал незнакомец, глядя на Данилу снизу вверх из своего кресла. — Но вас совершенно дезориентировали. Наговорили вам всякой чуши, отправили на Байкал, помогали вести все эти, с позволения сказать, поиски... Разумеется, я вас понимаю, вы приняли все это за чистую монету. Конечно, ведь вы же не могли проверить, так это или не так...

— Что — «так или не так»? — прервал его Данила, ощутив едва заметную дрожь в ногах.

— Вы находили людей, — невозмутимо продолжал незнакомец. — Открывали для себя какие-то истины. Потом появился давно выживший из ума Брахмананда, рассказал вам свою полубредовую теорию «Баланса Силы». Скрижали, Печати, Избранники, Всадники... И вот все эти элементы реальности сложились для вас в единую картинку. Но уверены ли вы, Данила, что это складывались элементы реальности, а не ваши собственные или навязанные вам интерпретации реальности? Реальность или интерпретации?.. Что, если в реальности — на самом деле — все обстоит иным, прямо противоположным образом?

— Противоположным образом? — Данила инстинктивно сделал шаг назад. — Что вы имеете в виду?

— Противоположным образом. Абсолютно, — подтвердил свои слова незнакомец. — Я не спорю, вы находили каких-то людей, которые переживали странные, иногда даже необъяснимые чувства и состояния. Но что это доказывает? Что они Избранники? Или — Всадники? Вы смотрите на какие-то экраны, там вам показывают «концентрацию темного поля планеты». Но что это за данные? Почему вы думаете, что измеряемые этими господами силы — силы Тьмы? Кто вам сказал? Назовите мне имя...

— Имя? — повторил Данила, ощущая, как несколько раз неприятно дернулось его верхнее веко над правым глазом. — Какое имя?

— Кто вам все это сказал, Данила? — спокойно и с какой-то вальяжной небрежностью в голосе переспросил незнакомец. — Вам объясняли все, что с вами происходило. И вы не могли видеть того, что происходило с вами, своими глазами. Вы видели это глазами тех, кто давал вам инструкции и комментарии. Вспомните, как вас посчитали Избранником. Появился астролог — Лариса. Потом несколько священников из монастыря святого Иоанна Кронштадтского, суфийский мастер, настоятель буддийского храма и так далее. Каждый из них дорисовывал какую-то определенную недостающую часть вашей будущей картины мира. Вслушайтесь, Данила: *они рисовали вашу картину мира!*

— Кто вы?.. — прошептал Данила. — Кто?..

— И вот вы добрались до Байкала, — как ни в чем не бывало продолжал незнакомец, — пережили сильное потрясение, вас чуть не убили, вы чуть не утонули. Помните? Вспоминайте! Вы уверены, что вы были тогда в ясном уме и твердой памяти? А что, если все происшедшее тогда — лишь череда случайностей и ложных интерпретаций, которые, цепляясь одна за другую, создали в вашей голове ошибочную картину мира? Вы понимаете, о чем я говорю, Данила?

— Я не понимаю... — Данила чувствовал, как слабеют его ноги. — Назовитесь. Я хочу знать ваше имя...

— Вам рассказали про Темных и про Светлых, — незнакомец с каждым словом все сильнее возбуждался. Однако же то, что он говорил, звучало четко и ясно. Он говорил даже не с верой, а с какой-то абсолютной, завораживающей убежденностью. — Но что вы о *них* знаете? Темные — за Тьму, а Светлые — за Свет? Так?! Но что это такое — «Свет» и «Тьма»? Что стоит за этими словами? Насколько точно они обозначают вещи, с которыми вы имеете дело? И что это вообще значит — «быть за Свет», «за Тьму»?! Что это значит?! Это какая-то пустая игра слов! Бессмысленная риторика! Пустое жонглерство красивыми высокопарными фразами! Людям внушили, что «Свет» — это хорошо. И те верят, но что они знают о том, что такое Сеет? Что они

вообще обо всем *этом* знают?!

— Перестаньте! — вскрикнул Данила. — Что вы хотите этим сказать?! Кто вы?!

— Вы запутались, Данила. И вы в этом не виноваты. Просто многие люди, ничего не понимая в сути вещей, хотят найти правдоподобные объяснения фактам, понимание которых им неподвластно. И они одурачили вас! Пользуясь вашей доверчивостью и добротой, они нашли в вашем лице силу, способную двигать их рыхлые и пустые теории. «Свет преобразует Тьму» — что за глупая фантазия?!

Незнакомец вскочил и забегал по комнате. Не нервно, не истерично. Нет, напротив. Он казался сгустком энергии. Огромной силой, пульсирующей в пространстве этой залы. Десятки, а может быть, сотни огромных теней, отброшенных его фигурой, покрыли стены, достигли потолка, загибаясь на нем, и двигались, расползались, словно гигантский черный цветок... Наваждение.

— Данила, Тьма — это материя, порождающая Свет, а никакое не зло. Она первична! Да! Тьма первична! Она — тот большой космический взрыв, который и становится источником Света, приводя в движение мельчайшие частицы этого мира. Ведь Свет — это движение! «Зло уничтожит Само Себя» — что это за глупость?! Пустая, бессмысленная теория старого, выжившего из ума фантаста, которому кажется, что он владеет судьбами мира, тогда как на самом деле он не контролирует даже собственную голову! Вы не знаете, в чем правда, Данила! Вы — Избранник, которого ввели в заблуждение и увели с дороги истины на обочину заблуждений!

— Кто вы?.. — Данила схватился за спинку кресла, ноги уже не держали его.

Он почувствовал, что ему стало тяжело дышать. Голова отяжелела и едва держалась на плечах. Перед глазами плыли картины и образы. Реальные предметы, которые Данила видел вокруг себя, перемещивались в его сознании с прежними воспоминаниями, мыслями, чувствами.

А с чего он взял, что Совету ВААЗа можно доверять? Почему он так уверен, что Тьма — это зло, которое разрушит мир? Почему он думает, что Свет — это благо и цель, которая оправдывает любые средства? А вдруг все наоборот?! Вдруг Тьма — это действительно основа мира? А Свет — только красивое словцо? Красивое словцо, и только...

«Часть силы той, что вечно жаждет зла и вечно сотворяет благо...» — Даниле вспомнились эти слова, но откуда он их знал, он не помнил.

— Представьте себе, Данила, — продолжал незнакомец, хотя Данила почти уже не разбирал его слов. — В организме поселилась страшная инфекция, которая — часом раньше, часом позже — убьет человека. Что вы будете делать, Данила? Решите, что он должен выкарабкиваться сам, или дадите этому несчастному лекарства, антибиотики?

— Антибиотики? — глухо повторил Данила, ощущая, что ему трудно стоять на ногах.

— Но что такое — антибиотики?

— Я вам скажу! Антибиотики — это убийцы. Они убивают бактерии. Можно думать, что они — некий «свет», ведь они защищают жизнь. Но давайте разберемся... Нет, они вовсе не защищают жизнь. Они ее уничтожают, и именно это дает возможность жизни продолжать себя. Так что такое «Тьма»?! Что такое «Свет»?! Простой пример — убийство и жизнь. Но кто убийца?! А кто животворит?!

Данила бессильно опустился в кресло. Он пытался вникнуть в суть этого сравнения, понять, в чем смысл слов этого странного и страшного человека, но не мог. «Часть силы той, что вечно жаждет зла и вечно сотворяет благо»...

— Данила, неужели вы действительно думаете, что все это время вы боролись с Тьмой?! — продолжал громыхать незнакомец, но теперь его голос звучал откуда-то сверху, из пустоты. — Неужели вы думаете, что, если бы мы решили вам препятствовать, мы бы не добились успеха?

Но в чем заключались наши «происки»? Чем за все это время мы вам помешали? Назовите хотя бы один факт! Хотя бы один!

— Мы... — прохрипел Данила. — Вы сказали — «мы»?..

Его глаза заволокло черной пеленой. Сознание на мгновение вспыхнуло, словно комок подожженной ваты, и погасло. Тьма.

Данила очнулся на борту самолета. Солнце — огромное, яркое, огненно-желтое — проникало внутрь салона и окрашивало стены, сиденья, находившихся здесь людей в странные полуфантастические цвета. Все вокруг казалось Даниле каким-то ненастоящим, игрушечным.

Что произошло? Как он здесь оказался?

Через силу Данила посмотрел в иллюминатор. Это было совсем непросто. Глаза его еле двигались, словно кто-то залил в них расплавленное олово, от чего они отяжелели и ныли от боли.

Снежно-белые облака, бескрайние просторы облаков. Огромное пуховое одеяло, скрывающее землю. И солнце — озаряющее, счастливое...

— Красиво?..

Данила услышал у себя над ухом приятный, мелодичный мужской голос и медленно повернул голову в сторону говорившего. Казалось, сделай он это быстрее, более резким движением, и его голова тут же бы треснула, как хрустальный шар, налетев на массивную чугунную плиту.

— Куда мы летим? — прошептал Данила пересохшими губами.

— Меня зовут Марк, — отозвался человек, с которым Данила говорил в том странном здании без вывесок. — Катарина, принеси молодому человеку горячего чая. Ему будет полегче.

Девушка-стюардесса, стоявшая в глубине салона, кивнула головой и исчезла за занавеской. Судя по всему, это был частный самолет. Небольшой, но для частного — значительный и комфортабельный.

— Что вы со мной сделали? — Данила поднял отяжелевшие руки и запустил в волосы скрючившиеся от спазма пальцы.

Что с ним происходит? Куда его везут?

— Через три часа мы окажемся на небольшом острове в Средиземном море, — сказал Марк, продолжая, как и прежде, отвечать не на те вопросы, которые ему задавались. — Там располагается постоянная резиденция Блаженной Святой Марии. Вы с ней встретитесь.

— Зачем?.. — пробормотал Данила, изо всех сил сжимая голову руками.

Марк сел в кресло напротив Данилы, внимательно посмотрел ему в глаза своими карими угольками и, слегка улыбнувшись, произнес:

— А пока я расскажу вам то, что вы должны знать...

Марк сделал знак рукой, и два мужчины-охранника, находившиеся до сих пор в креслах поблизости, встали и удалились за небольшую загородку в хвосте самолета.

Стюардесса Катарина принесла горячий чай и поставила его на небольшой столик перед Данилой.

— Данила, что вы знаете о событиях, имевших место на земле обетованной во время правления прокуратора Иудеи Понтия Пилата? — спросил Марк и, слегка помедлив, добавил: — Это было примерно две тысячи лет назад...

— Я не буду отвечать ни на какие ваши вопросы, Марк, пока вы не скажете мне, что вы со мной сделали в своем кабинете, с какой целью вы везете меня на этот ваш остров... — Данила запнулся, говорить было трудно.

— Ну, как знаете, — Марк безразлично пожал плечами. — Тогда я расскажу вам сам, полагая, что в общих чертах христианский миф об Иисусе вам известен.

— Миф? — переспросил Данила и инстинктивно поежился.

— Абсолютно, — кивнул головой Марк. — Вы же отдаете себе отчет в том, что есть Церковь, а есть то, на обладание чем она претендует.

— На что она претендует? — не понял Данила, и поднятая им только что чашка с чаем замерла в воздухе.

— На обладание Истиной, — невозмутимо ответил Марк. — Церковь пытается вклиниться в отношения между людьми и Высшими Силами. И это было бы даже забавно, если бы не было так печально. Церковь пытается встать посередине, но это невозможно. Потому что нет середины между верхом и низом. Есть верх, а есть — низ. Высшие Силы общаются с людьми прямо, живым касанием — всегда, а не от случая к случаю, поэтому никакой посредник Высшим Силам не нужен. И более того, он и невозможен.

Данила поморщился, поставил чашку на столик и отвернулся в сторону иллюминатора. Эта схоластика была ему не по душе. Что за странные разговоры? Его выманили обманом, по сути — захватили в заложники, а теперь ведут какие-то странные пустые разговоры об отношениях Бога, человека и Церкви...

Даниле никогда не нравились подобные рассуждения. Они были ему неприятны и безразличны. Кому принадлежит Истина? Кто это знает? Это глупый, лишенный всякого смысла вопрос. Истина есть, Она — правда, Она вокруг. Ее можно не замечать, отрицать, игнорировать, но что это меняет? Она — есть!

Свет — он в человеке. И окружающий мир человека озаряется его собственным, внутренним Светом. Мир вокруг нас такой, каким мы его делаем. Человек — своего рода фонарь. Его внутренний Свет, его любовь и истинная доброта — это сила, которая освещает мир вокруг него. И вокруг каждого из нас всегда ровно столько Света, сколько мы его отдали. Чем больше ты открываешься, тем светлее вокруг тебя становится.

И что в таком случае Церковь?.. Если она помогает человеку излучать его внутренний Свет, если она дает ему силы, чтобы он продолжал быть добрым несмотря на те трудности и лишения, с которыми он сталкивается, то Бог ей в помощь. Но если она лишь атрибут, только формальность и, хуже всего, — подлог, ложная цель, мистификация, обманка, то, конечно, думать о ней как о хозяйке Истины неправильно.

«Господи, как я вообще поддался на это идиотское предложение?!» — мысленно вскрикнул Данила, вспоминая свое нелепое бегство из Центра Гаптена.

Почему он ничего не сказал своим друзьям? Они бы уж точно отговорили его от этой затеи. Но он словно был в каком-то забытии. Да, этот Марк знал, на какие кнопки надо нажать... Как же глупо!

— Христианский миф об Иисусе, — продолжал тем временем Марк, — рассказывает о явлении Спасителя. Якобы Мария зачала младенца от Святого Духа. Он родился и дожил до тридцати лет, ничего толком не зная ни о Своем истинном происхождении, ни о Своем великом предназначении. И только когда Иисусу исполнилось тридцать, в нем произошла перемена — Он осознал, что является Сыном Бога и призван оставить людям Новый Завет. На самом деле «завет» — это неправильный перевод с арамейского языка. И речь шла не о новом «завете» от Бога, а о новом «союзе» с Ним. Да, речь шла о сделке...

— О сделке?! — Данила посмотрел на Марка как на умалишенного. — Сделка с Богом?.. Вы в своем уме?

Но Марк даже бровью не повел.

— Данила, а вы вообще верите, что на земле жил воплощенный Бог — из плоти и крови, с

кишками и бронхами? Верите?.. Что Он вот так ходил по городским мостовым, беседовал с простыми смертными? Верите? Превращал воду в вино, излечивал болезни одним прикосновением рук, оживлял настоящих покойников? Понимаете — настоящих, не умирающих, не находящихся при смерти, а фактических. Трупы... А потом Его вдруг взяли и осудили на смерть какие-то фарисеи. Да, распяли Бога, как дети котенка! Причем не почему-нибудь, как *политического* противника. Вы верите этот бред? Это вам не кажется сумасшествием?!

Данила зажмурился. Самолет совершил маневр, повернулся, и солнечные лучи буквально проткнули его насквозь. На миг Даниле почудилось, что его глаза сгорели, что их выжгло этой безжалостной, бесчувственной энергией света словно лазером.

Ходил ли Бог живым между людей? Не святой человек, не отмеченный Божьей печатью, а именно — живой Бог?!

Данила видел в своей жизни мертвых. Плакал, держа в руках голову убитого друга. Может ли он представить себе теперь, открутив время назад, что в тот миг, посреди той страшной войны, — автоматных очередей и разрывов гранат — появляется человек, который с тихим и спокойным лицом идет в этом дыму, в зареве огня, в стрекоте трассирующих пуль... Кругом кровь и смерть, а он проходит мимо Данилы и говорит его мертвому другу: «Встань из мертвых! Не время!»

И мертвец открывает глаза, и рана в его груди затягивается, и возвращается жизнь... Может ли Данила представить себе это?! Как хочется... И какая неправда! Ужасная боль. Оживлять трупы...

— Зачем вы все это мне говорите? — Данила открыл глаза и зло посмотрел на Марка. — Зачем?

— Христианский миф об Иисусе... — невозмутимо продолжал тот, словно бы ни Данилы, ни его вопроса не существовало. — Миф о Боге, который пришел на землю, чтобы искупить перед Самим Собой людские грехи. Бред. Гигантский обман — политическая игра безжалостного и беспринципного императора Константина — язычника, решившего укрепить свою разваливающуюся империю единой монотеистической религией. Неплохая была идея, надо признать! Неплохая!

— Господи! — Данила еле сдерживался, чтобы не наброситься на Марка с кулаками. — Какого черта?! Что вам от меня надо?!

— Вы слышали когда-нибудь о Меровингах? — все так же спокойно поинтересовался Марк.

— О ком?.. — Данила сглотнул.

— Иисус, сын Иосифа, был прямым потомком великих царей и пророков Израиля — Авраама и Давида, Исаака и Соломона. Об этом свидетельствуют даже утвержденные Никейским Собором Евангелия. Не говоря уже об отринутых Церковью апокрифических текстах. Евангелие от Марка начинается со слов: «Родословная Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова». Да, да! Не родословная Господа Бога, а родословная Иисуса... Христианство рассказывает о «непорочном зачатии» только потому, что Церкви нужен живой Бог, а не еврейский Царь, каким был Иисус. Помните надпись на Его кресте: «Иисус — Царь Иудейский»? Об этом не любят говорить, но Мария родила не только Иисуса, который назван в Библии ее «первенцем». У Него были и братья, и сестры. Имена сестер Иисуса в истории не сохранились, известны только имена четырех его братьев — Иакова, Иешуа, Симона и Иуды. Есть сведения, что и апостол Фома был кровным братом Иисуса. Но официальная доктрина Церкви утверждает, что Мария была непорочной, а Иосиф — стариком, который по причине своей старости просто не мог быть отцом Иисуса. Хотя, как вы теперь понимаете, это даже смешно слышать! Если его хватило еще на четырех сыновей и трех дочерей, то уж...

— Марк, почему вы думаете, что я вам поверю? — Данила отрицательно качал головой. —

И неужели вы думаете, что мне это интересно?

— Меровинги, Данила, — это царственная династия. Эти великие цари, правители мира были потомками Иисуса Христа...

— Что?! — Данила вжался в кресло.

— После смерти Соломона, — сверкнул глазами Марк, — его царство распалось на два самостоятельных государства — Израиль и Иудею. Начались смутные времена с бесконечными войнами. В 67 году до нашей эры, после смерти царицы Израиля Саломеи ее сыновья вступили в борьбу за трон своей матери. Как раз в это время Рим завоевал Сирию и вплотную подошел к границам земли обетованной. И братья-спорщики не нашли ничего лучше, как отдаться на суд римского военачальника Помпея. Тот, не долго думая, вошел в Иерусалим со своей армией. И... На этом самостоятельное еврейское государство прекратило свое существование. Царями Израиля римляне поставили династию Иродов, которые не были иудеями. А после император и вовсе ввел на этой земле прямое правление римского прокуратора. Вот почему иудеи настолько истово ждали мессию — царя-освободителя, *мешиаха*. По-гречески, если перевести это слово с древнееврейского языка, «мешиах» звучит как «христос»... Появление *первенца* в царственной семье Иосифа было воспринято народом Израиля как святая весть. И когда Ирод отдал приказ об истреблении вифлеемских младенцев, он, разумеется, и думать не думал о том, чтобы остановить новую религию. Ему бы это и голову не пришло! Ирод хотел уничтожить царевича, имеющего все права крови на его трон. Брак Иисуса с Марией из Магдалы, принадлежавшей к колену Вениамина, кстати сказать, тоже был династическим...

— Что?..

— Вас не смущает, что в библейской истории о свадьбе в Канне Галлилейской, где Христос превращал воду в вино, не названы имена жениха и невесты? Странно, правда? Бог почтил своим присутствием свадьбу, а молодожены не названы! — Марк как-то загадочно ухмыльнулся. — Знаете, Данила, на чьей свадьбе присутствовал тогда Иисус Назаретянин?

— На чьей?..

— На собственной.

— Вы меня разыгрываете, да?.. — Данила прищурился.

— Когда Иисусу исполнилось тридцать, на должность прокуратора Иудеи вступил жестокий римский военачальник — Понтий Пилат. Желая освободить родину от иноземных правителей, Христос начал свой трехлетний путь к Иерусалиму, он хотел занять принадлежавший ему по праву крови иудейский трон. Во время этого долгого путешествия происходило множество «чудес», о которых с таким упоением и восторгом рассказывают Евангелия. Например, Иисус воскресил Лазаря, чем ввел толпу зевак в настоящее исступление. Но вы же знаете, кем был Лазарь...

Данила закашлялся.

— Лазарь — родной брат жены Иисуса — Марии Магдалины, — спокойно продолжил Марк. — Как он «воскрес», я думаю, вы догадываетесь. Это была мистификация. Одна из многих на пути долгожданного *мешиаха* ...

Кашель Данилы только усиливался.

— Разогретый «чудесами» Иерусалим встретил Христа как своего царя и освободителя. Но Понтий Пилат не стал дожидаться восстания и тут же арестовал Иисуса. В Евангелиях, правда, говорится, что Иисуса судил синедрион, то есть суд еврейских старейшин. Но это абсолютная ерунда. Синедрион имел право приговаривать иудеев к смерти и если бы хотел, то сам бы решил судьбу Иисуса. Для этого ему не требовалось согласия римского прокуратора Иудеи. Но Библия говорит о том, что фарисеи обратились за помощью в свершении правосудия к Понтию Пилату.

Это ложь и глупость. Арестовывал и судил Иисуса сам Понтий Пилат, лично. Он судил Его как политического преступника, затеявшего государственный переворот. Но, разумеется, Евангелия об этом умалчивают. Содержание этих священных книг утверждалось римлянами на Никейском Соборе. Конечно, император Константин сделал все возможное, чтобы обвинения в казни Иисуса Христа пали на евреев, а не на римских правителей. Конечно!

— Наверное, я сплю и это мне снится, — вслух сказал Данила и сжал руки в замок. Его занемевшие пальцы побелели.

— Но я отвлекся, — Марк коснулся шеи и слегка вытянул голову. — Родственник Иисуса — член синедриона Иосиф из Аримафеи, упоминающийся в Библии, — подкупил римских солдат, осуществлявших казнь Иисуса. Да, не пугайтесь, Данила, знаменитое распятие Христа было еще одной большой мистификацией.

Иисус не умирал на кресте. Нет! Та знаменитая губка с уксусом была губкой с усыпляющим снадобьем. Так что пустой Гроб Господень — это не чудо. Данный факт мог удивить и потрясти только тех, кто не был в курсе величайшего подлога в истории человечества, осуществленного Иосифом из Аримафеи. Иисус, его жена и дети, а также многие их родственники бежали из Иерусалима под покровом ночи, сели на корабль и, переплыв Средиземное море, оказались на территории современной Франции. Раздался хруст суставов. Пальцы Данилы вытянулись, словно в эпилептической судороге.

— Маровей — один из потомков Христа, — как ни в чем не бывало продолжал Марк. — В 448 году он стал королем франков. Его имя даст название всей династии Меровингов, которые впоследствии займут учрежденный в середине первого тысячелетия после рождения Христова трон императоров Священной Римской империи. Меровинги, как и легендарный библейский Самсон, чья сила заключалась в волосах, никогда не стриглись. Они отличались особым разрезом глаз, и у каждого из них было на теле одно и то же родимое пятно в виде креста.

— Опять эти родимые пятна... — бесчувственно усмехнулся Данила и даже попытался пошутить: — Но у меня не в виде креста. Просто симметричные. Так что если вы думаете...

Но Марк словно его не слышал.

— Многочисленные крестовые походы на Иерусалим, — продолжал он, — предпринимались никем иным, как потомками Христа — Меровингами. Они все еще надеялись вернуть себе Иерусалимский трон предков. Великими магистрами ордена тамплиеров, возглавлявших эти походы, тоже всегда были Меровинги. Именно поэтому католическая церковь долгое время не решилась перечить этой «секте». Слабовольные понтифики не находили в себе мужества противостоять потомкам Христа. Но 13 октября 1307 года по тайному приказу короля Франции — Филиппа Красивого — все тамплиеры были одновременно арестованы, осуждены, и начались страшные казни. В 1314 году на костер взошел последний остриженный наголо великий магистр тамплиеров Жак де Молэ. Род Христа прервался...

— Ну слава Богу! — неожиданно для самого себя выкрикнул Данила. — Вот и сказочке конец! Можно мы закончим на этом?!

— Все, что вы только что услышали, Данила, — прошипел Марк, — это общеизвестные факты. Об этом написаны книги, об этом говорят научные исследования и археологические находки. Эта вторая по счету официальная версия. После церковной, разумеется. И она уже давно стала общим местом, плодородной почвой для всяческих интриг и спекуляций. Судьба Христа будоражит фантазию людей непосвященных, вызывает всеобщий интерес...

— А что же, есть еще и третья версия? — Данила почувствовал, как волна напряжения, внезапно прокатившись по всему его телу, превратила мускулы в натянутые металлические струны.

— Есть легенды и мифы, Данила, — сказал Марк. — А есть правда.

— Правда?..

— Данила, вы верите в Бога? Нет, не в Того, что был когда-то среди людей, а в Отца мироздания, в Того, кто держит в своей руке бесконечно малое и бесконечно большое, чья воля движет планетами и мельчайшими частицами? Вы верите в Того, Кто создал жизнь и теперь волен распоряжаться ею так, как посчитает нужным?! Вы верите в *такого* Бога, Данила?!

У Данилы снова перехватило дыхание. Что же это такое?! Откуда в этом странном человеке столько силы, столько уверенности? Столько правды...

Верит ли Данила в Бога, который есть мир и сущность мира? Верит ли он в то, что все не случайно и Высшая Воля довлеет над мирозданием? Верит ли он в такого Бога?!

Марк смотрел на Данилу не мигая, пронзал его взглядом, словно бы надевая его плоть, нарезанную мелкими кусками, на раскаленный шампур для праздничного барбекю.

— Есть Церковь, и есть хулители Церкви, — шептал Марк. — А есть Бог, и есть Его пророки. Бог говорил с Адамом, Ноем, Авраамом, Давидом, Соломоном, Моисеем и Христом. Бог говорил с *ним* — с этим святым и проклятым родом.

— Проклятым? — переспросил Данила.

— Кто-то должен отвечать за всех, мой дорогой Данила. Кто-то *один*. Если уничтожить мир, населенный грешниками и отступниками, сам акт творения теряет всякий смысл. И разве это наказание?.. Что за диво, если все умрут вместе — в один закатный час? Это в одиночестве помирать страшно, а если всем вместе, за компанию, то что в том такого? Боязно остаться одному, а уйти в общей массе, растворившись в огромной толпе, — разве это страшно? Разве это может быть подлинным наказанием?

— Наказанием? — прошептал Данила. — За что?!

— Христос умер на кресте, чтобы искупить наши грехи?.. — зло ухмыльнулся Марк. — Бред и чушь! Слишком легко, слишком просто! Нет, ужас не в смерти, пусть даже и самой мучительной! Ужас в жизни! В жизни, которая хуже, сто крат хуже самой чудовищной и самой жестокой казни! И если Господь решил взвалить на плечи какого-то человека грехи всего человечества, то можешь мне поверить, Данила, Он бы не дал этому человеку скорой смерти. Он бы ввергнул его в жизнь и этим самым фактом — изгнания из Рая простоты и неведения — взял бы с него причитающуюся плату.

— То, что Бог дал человеку жизнь, это наказание, по-вашему?! — Данила удивленно развел руками. — Вы сами-то понимаете, что говорите?!

— Адам был бессмертен, — продолжал Марк. — А следовательно, он и не жил в том смысле, в котором мы представляем себе жизнь, не в том смысле, как мы это понимаем. Но когда запрет Господа был нарушен и Адам отведал плод Священного Древа, Бог обрек Адама на жизнь — и прародитель всего человечества стал смертным, как и все его потомки. Бог наказал Адама жизнью — страшной, жестокой, мучительной, ибо такова жизнь без Рая. Так — жизнью — Бог наказал Адама и его потомков за первородный грех. Таким было Его первое предупреждение о грядущем Конце Времен.

— Вы больны! — воскликнул Данила. Но Марк не отреагировал.

— Это стало первым предупреждением, — говорил он. — Но человек не внял ему, не услышал Бога, не понял или не захотел понять, в чем истинная правда и корень зла. И Божий гнев был страшен — разверзлись небеса и океанами обрушились воды на грешную землю. Всемирный потоп! Все живое, за исключением горстки избранных, вернулось в смерть. Но пострадали не те, кто умерли, а Избранные, которым было предназначено жить дальше, среди мертвецов, и оставить потомство свое, узнавшее гнев Господень! И тогда у человека еще был шанс — одуматься и преклонить колени перед силою Неба. Господь выбрал богобоязненного

Ноя — того, кто будет отвечать перед Ним за всех и чьи потомки ответят перед Ним. Как и Адам, Ной был наказан, он стал вторым прародителем человечества, вторым Адамом. Это было вторым Божьим предупреждением — чтобы поняли и одумались!

— Вы хотите сказать, что Бог выбрал праведника, чтобы поиздеваться над ним? — прошептал Данила. — Убил всех и запугал благочестивого?..

— Но и в этот раз люди не вняли Богу! И когда судьба человечества была уже предрешена — Рим разрушался, элины древней Греции канули в Лету, а Иудея погрузилась в ад междоусобной войны, — Бог решил поставить на человечестве крест. Но явился агнец и сказал Богу: «Не их накажи, но меня, Господи! Ибо не ведают они, что творят!» И имя этого агнца было — Иисус Христос. Он предложил Богу сделку. Страшную сделку. Жизнь, которую Бог дал ему и всем его потомкам, была жестокой карой за грехи человечества. Бог положил на плечи Иисуса крест, но не из дерева, а из горя. И в том было Его проклятье. И крест этот передается из руки в руку, от одного поколения Христа к другому.

— Ничего не понимаю... Какой *крест*? Вы о чем говорите? — Даниле вдруг стало жарко.

— Иисус отдал Богу самое дорогое, что есть и может быть у человека, он отдал Ему свою радость. Свою и всех своих потомков на многие сотни, тысячи лет вперед.

— Радость?!

— Данила, вы когда-нибудь видели каноническое изображение Христа с улыбкой на устах? Вы видели когда-нибудь изображение смеющегося Христа?!

— Смеющегося Христа?.. — Данила не верил своим ушам.

— Да, смеющегося Христа! — чуть не закричал Марк.

— Нет... — Данила отрицательно покачал головой.

— И знаете почему?

— Почему?

— Потому что Спаситель искупил наши грехи не кровью, а радостью... Наше спасение куплено.

— За его смех?..

— Вы думаете, Данила, что Темные — это те, от кого исходит опасность? — Марк выдвинулся вперед из своего кресла, внимательно посмотрел на Данилу и прищурился. — Что они — те, кто жаждет воцарения Зла? Так или не так?.. Данила неуверенно мотнул головой.

— А сейчас представьте себе человека с ножом, — продолжал Марк. — Представьте, что он подходит к спящему и вонзает ему этот нож в самое сердце! Что вы думаете об этом человеке?

— Что я о нем думаю? — Данила почувствовал подвох и растерялся.

— Да, что вы о нем думаете?..

— Я думаю, что он... — Данила запнулся и опустил глаза. — Я думаю, что он убийца. Он...

— Злодей? — «помог» Марк.

— Да, — тихо ответил Данила, поднял глаза и спокойным уверенным взглядом смерил Марка. — Злодей. Да.

Марк как-то странно улыбнулся и откинулся на спинку своего кресла.

— Вы вынесли вердикт, Данила, — сказал он с каким-то особенным, ехидствующим удовольствием. — Вы приняли решение. Вы осудили. Так?

— Да.

— А если я скажу вам, что тот человек из моего рассказа, этот человек с ножом, — он кардиохирург. Нож в его руке — медицинский скальпель. Спящий человек — больной, находящийся под наркозом. Больной, который нуждается в этой операции, для которого этот удар ножом в сердце — не вопрос смерти, а вопрос жизни... Что вы скажете теперь, Данила?

— Что я скажу?.. — Данила пожал плечами. — Я скажу, что вы меня обманули.

— Вот как! — Марк разразился странным гортанным смехом. — Вот как?! Однако же! Оказывается, я вас обманул?! Замечательно!

И вдруг Марк перестал смеяться. Так же внезапно, как перед этим расхохотался. Он буквально выпрыгнул из своего кресла, метнулся вперед. Его губы замерли в двух сантиметрах от уха Данилы.

— Нет, Данила, я тебя не обманывал, — прошептал Марк прямо в слуховой проход. — Я не обманывал. Ты просто не знал правды. Не знал, но вынес суждение. Ты судил, Данила, не имея полной картины. Ты судил и осудил невиновного. Ты осудил *спасителя*.

Данила ощутил, как по его спине тонкой струйкой побежал холодный пот. Фраза «Ты осудил невиновного. Ты осудил *спасителя*», прокручиваясь, как запись на автоответчике, продолжала звучать у него в ушах. Хотя Марк уже встал, выпрямился, развернулся и пошел в сторону кабины самолета, Данила все еще слышал его голос внутри своей головы: «Ты осудил невиновного. Ты осудил *спасителя*»...

Данила осуждает Темных, борется с ними. Но что такое эти Темные? Он ведь ничего не знает о них. Столько раз он вместе со своими друзьями — Анхелем, Андреем, Гаптенем — обсуждал это? Но ответ всегда был один: «Тьма — это Зло, это плохо». Но разве это ответ? Тьма — это только слово. Слово, которым обычно обозначают что-то плохое. Но что стоит за этим словом? И кто присвоил его кому-то или чему-то? Кто судил?..

И разве Источник Света что-то говорил Даниле о том, что Тьма — это Зло? Разве сказал Источник Света Даниле: «Пойди отыщи зло и убей его». Нет, не говорил. Но Данила пошел и, более того, ищет. Вроде бы «Кощееву смерть», а на самом деле — «то, не знаю что». И вообще, откуда Даниле известно, что Источник Света называл Тьмой? Может быть, Он называл Тьмой тех, кто считает себя Светлыми. Как знать?..

— Мы служим потомкам Христа, — внезапно раздалось откуда-то сзади.

Данила резко обернулся, пытаясь понять, где же он мог слышать этот голос...

Над ним возвышалась грузная фигура человека с темным землистым лицом, черной бородой, в одеянии, похожем на монашескую сутану. Катар! Тот самый Темный Посвященный, который говорил на Встрече Двадцати Четырех! Гот самый, что был учителем Нины...

— Катар... — прошептал Данила.

— Две тысячи лет они хранят обет горя и личного страдания, — продолжал Катар. — Они не должны ни смеяться, ни даже улыбаться. Никогда. Да, мы *темные*, потому что мы делаем все, чтобы им легче было нести эту ношу. Ношу страдания и искупления.

— Никогда? — не понял Данила, ощущая какую-то предельную абсурдность этого странного обета. — А что случится, если они все-таки не сдержатся?

— Война и смерть... — ответил Катар.

— С кем? Какая война?! — на Данилу накатили страшные военные воспоминания, дыхание перехватило.

— Вы когда-нибудь слышали о Карибском кризисе?

— О Карибском кризисе? — переспросил Данила. — Это когда чуть было не началась третья мировая война между США и Советским Союзом?

— Да.

— Конечно, слышал.

— Тогда чуть было не рассмеялась мать Марии, — сказал Катар. — Она была еще девочкой. Детей трудно удерживать от смеха.

— Ерунда, — отрезал Данила. — Это просто политика.

— А когда в свое время, тоже в детстве, рассмеялась бабушка Марии, началась вторая

мировая война.

— Бред... Не может быть... — прошептал Данила.

— Так было во все времена, — Катар не обратил на возражения Данилы никакого внимания. — Но теперь с каждым поколением последствия нарушения обета становятся все более и более страшными...

— Послушайте, — Данила недоверчиво посмотрел на Катара, — вы что хотите сказать? Что вы являетесь оплотом мира и защищаете человечество? Я правильно вас понимаю? Но как же, в таком случае, все то, что вы говорили на Встрече Двадцати Четырех?.. Когда вы ввали — тогда или сейчас? Там звучали прямо противоположные вещи. Вы обещали сеять панику и смуту, вселять в людские сердца страх и отчаяние...

— Я говорил, что мы заставим людей желать прихода могущественной силы, — ответил Катар. — Силы, способной избавить их от бремени свободы и тягостной муки выбирать. Вот что я говорил.

— И как это согласуется с тем, что вы мне рассказали про этих... потомков Христа?

— Вы не понимаете! — Катар загромыхал низкими нотами. — Вы ничего не понимаете, Данила! Это воля Бога! Мы дети Божьи, и только Он знает, что будет для нас хорошо, а что худо, в чем добро для нас, а в чем зло. И если Он говорит Адаму: «Не вкушай, сын Мой, плодов Древа сего», — Он делает это, заботясь о нем. Как мать говорит ребенку: «Не суй руку в огонь!» — из любви, из сострадания, из чувства заботы. Но человек не слушает Бога. Человек ценит свободу, которая есть проявление его неверия, его отступничества, ибо все предопределено. И это его грех, Данила! Это грех! Его грех!

— Но... — едва смог вымолвить Данила. — Но что вам от меня нужно?

— Вы, Данила, — помолчав, сказал Катар, — ищете то, что заповедал вам Источник Света — эликсир, способный избавить человечество от страха смерти. Но понимаете ли вы, что это...

— Что?

— Вы ищете тайну бессмертия.

— Тайну бессмертия? — Даниле показалось, что он ослышался.

Но Катар продолжал:

— Данила, вы не можете избавить человека от страха смерти, если есть смерть. И до тех пор пока живет в людских сердцах страх смерти, нет и не будет спасения. Вы знаете это. Именно об этом говорил вам Источник Света. И поэтому вы не ищете истину, вы ищете тайну бессмертия. Знаете вы об этом или нет, но это так.

Данила развернулся и уставился в иллюминатор.

«Это какой-то бред... Это не может быть правдой! Я сплю! Мне снится сон! Страшный и абсурдный сон... — звучало в его голове. — Да, это просто сон! Сейчас я проснусь, и все будет как прежде. Не может быть, что я сам ушел от своих друзей. Не может быть, что я позволил себя выкрасть. Не может быть, что...»

— Когда вы увидите Марию, вы все поймете — сказал Катар, наклонившись к самому уху Данилы.

От испуга и неожиданности Данила вздрогнул. Но когда обернулся, Катар уже отодвигал занавеску в хвостовой части самолета.

— Что я пойму?! — крикнул Данила ему вслед, но ответа не последовало.

Данила вскочил. Надо догнать Катара! Но путь ему тут же преградили охранники. Секунда. Данила почувствовал, как что-то кольнуло и руке. Картинка перед глазами поплыла. Веки отяжелели. Глаза сами собой стали закрываться. Тьма.

Огромное палящее солнце стояло в самом зените. Вокруг белесое небо, а под ним,

насколько хватало глаз, простиралась пустынная местность — серый песок, жалкая, слабая растительность, — и где-то там, вдали — странный поселок с низенькими приземистыми домами. По левую руку на расстоянии многих километров возвышались горы — длинная гряда, словно волнорез рассекающая бескрайние песчаные просторы пустыни.

Данила оглянулся. Где он?! Как он сюда попал? Как выбрался из самолета? Где все — Марк, Катар, охранники, стюардесса? Что случилось?.. Авиакатастрофа?!

Данила ощупал себя. И с удивлением обнаружил, что на нем другая одежда — какая-то длинная, до самых щиколоток рубаха и некое подобие плаща. Ткани грубые, выцветшие — бледно-желтые и оранжево-красные. Данила нервно одернул рубаху. Как он мог во все это одеться? И главное — когда это произошло?!

— Бред какой-то...

Оглядевшись еще раз вокруг, Данила сделал несколько неуверенных шагов в сторону виднеющейся вдалеке деревни. Ноги его тут же утопи в песке. Данила опустил вниз глаза. На ногах были какие-то сандалии-шлепанцы, пришнурованные к голеностопу затертыми кожаными жгутами.

— Боже правый!

Мелкая дрожь пробежала по его телу. Только сейчас Данила понял, что с ним произошло что-то по-настоящему странное и даже страшное...

Селение потрясло Данилу. Оно казалось абсолютной копией какого-то древнего, доисторического города. Но этот город вовсе не выглядел разрушившимся или увядшим. Напротив, он казался вполне новым, ухоженным, жилым.

По улицам ходили люди, все они были чем-то заняты. Одни, завидев Данилу, здоровались с ним, другие просто внимательно к нему приглядывались, видимо пытаясь понять, откуда взялся здесь этот незнакомец и что ему здесь нужно.

— Иосия! — раздался надрывный женский крик. — Иосия, перестань! Перестань смеяться!

Данила повернул голову и заглянул за стену-забор, примыкавшую к ближайшей полутораэтажной постройке, служившей, скорее всего, домом для целой семьи. За постройкой виднелся сад — несколько фруктовых деревьев и что-то наподобие грядки. В центре сада — колодец, и рядом с ним небольшая беседка.

В беседке стояла женщина в голубом платке. Молодая, красивая, стройная, почти воздушная. Нагнувшись, она держала мальчугана четырех или, может быть, пяти лет за руки и с какой-то странной, бессильной и смущенной злостью в голосе кричала: «Иосия, перестань! Перестань смеяться!» А мальчик продолжал заливаться звонким, чистым, завораживающим смехом.

Незаметно для себя Данила улыбнулся. Несмотря на весь ужас своего положения, несмотря на неизвестность, растерянность и даже страх, он вдруг улыбнулся — весело, счастливо.

Данила сделал это без всякой задней мысли, без всякой цели, безотчетно, абсолютно спонтанно и естественно. Он улыбнулся, просто глядя на смеющегося мальчика. Улыбнулся так, как, возможно, не улыбался уже давно. Да, таким особенным, таким живым и чистым был смех этого мальчишки.

— Вы пришли посмотреть на Иосию? — послышалось сзади.

Данила обернулся и увидел рядом с собой мужчину средних лет с усталым, понурым, но благородным лицом — высокий лоб, большие глаза, нос с горбинкой и окладистая борода. Волосы длинные, темные, густые, но уже с проседью.

— Я? — Данила оглянулся по сторонам и неуверенно показал на себя: — Вы мне?

— Проходите, — сказал мужчина и отворил дверь, ведущую внутрь дома. — Сегодня не самый удачный день. Но вы простите нас...

— Я? — снова повторил Данила, понимая, что гостеприимный хозяин, видимо, принимает его за кого-то другого.

— Проходите, проходите... — повторил незнакомец.

Данила секунду мялся, стоя на месте. Но потом, переборов смущение, сделал пару шагов к двери, наклонил голову, чтобы пройти через низкий дверной проем, и вошел в дом. Здесь было темно, в нос ударил странный — приторно-солончатый — запах.

— Он в саду, — указал незнакомец. — Дальше...

Данила прошел сквозь сумрак комнаты, вышел на улицу и оказался прямо возле беседки.

Ну пожалуйста! — говорила женщина, срываясь на крик. — Я прошу тебя, Иосия! Перестань смеяться! Нельзя! Ты слышишь меня, нельзя! Симон умер. Нельзя смеяться! Нельзя!

Но мальчик продолжал смеяться — все тем же счастливым, беззаботным, завораживающим смехом.

Услышав шаги, женщина обернулась. Очень красивое — тонкое, словно выточенное из слоновой кости — лицо. В глазах стояли слезы. Она плакала. Впрочем, и во всем ее образе была какая-то неизбывная печаль, какая-то великая тоска.

Увидев Данилу, женщина почтительно склонила голову и быстро отошла в сторону.

— Не плачь, Мария, — сказал мужчина, пригласивший Данилу в дом. — Не плачь.

— Я ему объясняю, Иосиф, — быстро шептала она, утирая льющиеся из глаз слезы. — Я ему объясняю, что он не должен смеяться, если кто-то умер. Но он не слушает меня, Иосиф! Я не знаю... Мне страшно. Почему он смеется? Почему он смеется?..

— Мария, не плачь...

Данила растерянно переводил взгляд с супружеской пары на мальчика и обратно — на этих двух шепчущихся друг с другом людей. Мария и Иосиф?! Родители Христа?! Смеющийся Иосия... Иисус?! Дрожь побежала по телу. Нет-нет! Не может быть!

— Но почему, Иосиф?.. — Мария смотрела на мужчину с удивлением и растерянностью. — Он же добрый. Почему он смеется над смертью Симона? Почему?

— Позже, позже... — быстро проговорил Иосиф и, отстранив женщину, приблизился к Даниле. — Простите мою жену, — попросил он. — Сегодня утром Иосия играл с ее племянником, своим двоюродным братом — Симоном. Мальчик упал, ударился головой и умер. Она не в себе, а ее сестра едва жива от горя. Простите ее.

— Нет-нет, что вы... Не волнуйтесь, — Даниле хотелось провалиться в эту секунду сквозь землю.

Перед ним — Иосиф и Мария. И Иосиф просит у Данилы прощения за Марию, потому что она не в силах сдержать слез из-за постигшего их семью несчастья. Нет, не может быть! Это какое-то наваждение!

— Это Иосия, — сказал мужчина и подошел к мальчику. — Вы можете поговорить с ним.

Иисус? Данила смотрит на юного смеющегося Иисуса? Это Он?! Сын Божий?! Агнец, предназначенный к смерти на Голгофе?! Господи, нет! Не может быть!

Ком подкатил к горлу. Данила видел горечь и тревогу в глазах Иосифа и Марии. Но знают ли они, какая участь уготована их малышу? Знают ли они, сколь тяжкую ношу ему предстоит принять? Знают ли, какая страшная и мучительная смерть ждет его?..

Мальчик перестал смеяться, но улыбка все же не сходила с его лица. Он смотрел на Данилу большими внимательными глазами, чуть склонил голову, словно бы что-то припоминания, а потом вдруг вытянул вперед руку и показал на Данилу:

— Даниил знает, почему Иосия смеется.

Иосиф и Мария посмотрели на Данилу испуганно — словно он был посланником небес, принесшим то ли страшную, то ли благую весть. И вдруг — через какой-то один только миг — страх на их лицах сменился радостью и надеждой...

— Вы знаете?.. — прошептал Иосиф. — Вы знаете?..

— Я... я... — Данила растерянно качал головой из стороны в сторону. — Я не знаю.

— Но... — Иосиф показал глазами на сына, — Иосия говорит, что вы знаете. Это говорит Иосия. Скажите же нам. Пожалуйста! Мы с женой очень страдаем. Иосия постоянно смеется, но никогда не говорит, что его так рассмешило. Он смеется в храме, он смеется на похоронах, он смеется, когда говорят старшие. Ему все прощается, ибо он помазанник Божий. Но все же... Все приходят смотреть на него, и все спрашивают — почему он смеется, ваш Иосия, когда другие плачут? Но у нас нет ответа. Как нам быть с ним? Он смеется, даже когда его наказывают. И если вы знаете, почему он смеется, скажите нам! Скажите! Пожалуйста!

Данила недоуменно посмотрел на улыбающегося Иосию. Он смотрел на мальчика, которому предстоит страшный путь к смерти. Он будет рассказывать людям о любви, а они распнут его. И тогда он скажет, обратясь к Богу: «Прости их, Господи, ибо не ведают они, что творят!» А они не поймут, с кем Он говорит, и будут смеяться. Как это страшно...

— Я должен знать? — спросил Данила, садясь на корточки перед мальчиком и чувствуя, как ком сдавливает ему горло.

— Ты знаешь, — рассмеялся тот. — Ты знаешь!

Иосия смеялся, а потом вдруг бросился к Даниле и повис у него на шее.

— Ты знаешь! Ты знаешь! — смеялся мальчик.

Данила закрыл глаза. Странная, щемящая боль в груди, в самом сердце. Слезы.

Сквозь тяжелый сон, больше похожий на забытье, Данила стал слышать странные гудящие звуки. Они доносились откуда-то сверху и казались ему знакомыми. И еще это тряска, эта до боли знакомая ему вибрация машины... Вертолет?! Данила открыл глаза.

Его перевозят на вертолете?! Нет, это ему снится! Или только что ему снилась древняя Иудея и смеющийся мальчик Иосия? Может ли быть, что человек засыпает и просыпается во сне?.. Данила протер глаза и выглянул в иллюминатор.

Вертолет летел достаточно низко. Внизу виднелась бескрайняя гладь моря, а где-то далеко-далеко впереди — одинокий, совсем крошечный остров. Он напоминал собой форт, или даже не форт, а маленькую крепость из черного камня.

Уже совсем скоро мы будем на месте, — услышал Данила.

Впереди справа рядом с пилотом сидел Марк. — Прошу нас простить, — Марк повернулся и посмотрел на Данилу. — Мы были вынуждены вас... усыпить. Никто не должен знать, где находится остров Живого Бога.

— Что вы мне вкололи? — прохрипел Данила, оглянулся назад и увидел там троих охранников.

— Наберитесь сил, — сказал Марк и отвернулся. — Вам предстоит сегодня тяжелый день. Точнее, вечер.

Данила чувствовал себя совершенно потерянным. Трагические голоса Марии и Иосифа, веселый раскатистый смех Иосии все еще звучали у него в ушах.

— Тяжелый?.. — выстонал он. — Это еще не все?.. Вы собираетесь это продолжить?!

Возникла пауза, Марк снова повернулся к Даниле и смотрел на него с некоторым недоумением.

— Что продолжить? — спросил он.

— А разве вы... — начал было Данила, но тут же запнулся. — Нет. Ничего.

Марк прищурился и внимательно взгляделся в лицо Данилы.

— Сейчас я дам вам определенные инструкции, — сказал он. — И прошу вас воспринять их максимально серьезно. Вы должны будете неукоснительно их придерживаться. В присутствии Блаженной Святой Марии категорически запрещается смеяться, шутить, просто улыбаться. Если в какой-то момент вы вдруг поймете, что вам смешно, закусите верхнюю губу. Так время от времени делают все, с кем Марии доводилось встречаться, поэтому подобное поведение ее не удивит. Наоборот, если вы улыбнетесь, то скорее всего только напугаете ее. Она решит, что вы раздражены и скалитесь. Кроме того, избегайте разговоров на темы, о которых Мария ничего не знает. А именно — она никогда не видела ни телевизора, ни журналов, ни компьютера с Интернетом. Она никогда не слышала таких слов, как «юмор», «шутка», «веселье», «радость»...

— Вы с ума сошли? — Данила не верил своим ушам. — Вы это серьезно? Она вообще знает, почему ей нельзя смеяться?

— Выполняя эти инструкции всего лишь на протяжении одного дня, вы поймете, что такое обет горести и страдания, — продолжил Марк прежним тоном, хотя в глазах его блеснула холодная злоба. — И когда вы поймете это, Данила, вы больше не будете требовать от меня никаких объяснений. Вы будете чувствовать...

— Что я буду чувствовать?

— Вы поймете, сколь тяжкий крест несет на своих плечах Блаженная Святая Мария, — лицо Марка стало словно матовым, абсолютно пустым и непроницаемым. — Вы осознаете, что

обретение скорби — это и есть благодать Божия. Вы ощутите сладость вечной и сакральной грусти. И в вашем сердце не останется ничего, кроме любви и сострадания к ней — Блаженной и Святой Марии, нашей спасительнице и наступнице. И тогда вы поймете, что это значит — служить и помогать ей. Ибо это высшее благо и высшая награда из всех, что могут быть даны человеку...

Монотонный голос Марка действовал гипнотически.

— Темные... — буквально пропел он. — Вы знаете, кто такие — «Темные», Данила? Темные — это те, кто помогает Блаженной Святой Марии нести крест обета ее праотца и нашего общего Спасителя. Вот кто такие — «Темные». Эти «страшные» люди с «понурыми лицами», на которых столько вылито грязи и скверны, служат во спасение человечества. Но никто не знает об этом, ибо их служение — тайна, и не ради славы их участь на все времена — абсолютное смирение и преодоление себя, вера и праведность — есть истинный подвиг, которому нет равных.

— Марк, я сплю?

— А что значит — «бодрствовать», Данила?

Сооружение очень походило на крепость. Отдельно стоящие по периметру острова высокие, из темного камня здания были соединены стенами. Этот замкнутый контур имел единственный выход — своеобразные двери-ворота, которые были слишком велики, чтобы их можно было считать просто дверьми, и недостаточно большие, чтобы называться воротами.

Вертолет приземлился на площадке неподалеку от входа. Первым машину покинул Марк. Затем охранники вывели Данилу.

— Я в костюме?! — вскрикнул Данила, заметив, что на нем уже какая-то другая одежда — черный костюм, черная рубашка, черный галстук.

Значит, его все-таки переодевали!

Но из-за шума, производимого мотором и вращающимися лопастями, Марк, одетый точно так же — в черное, — его не услышал. Он только кивнул головой и показал в сторону ворот, что значило: «Следуйте за мной!»

— Я вас очень прошу! — скандировал Марк, сиюсь перекричать гул вертолета. — Соблюдайте выданные мною инструкции! Это очень важно! Я очень рассчитываю на вашу чуткость и доброту! Вы слышите меня, Данила?! Это очень важно!

Порывы ветра усилились. Вертолет затарахтел еще сильнее и поднялся в воздух. Данила посмотрел ему вслед. Этот остров — как тюрьма.

— Ничему не удивляйтесь, Данила! — прокричал Марк. — Ничему! Если вам будет что-то непонятно, спросите позже! Я отвечу на все ваши вопросы! Но, пожалуйста, не выказывайте удивления при ней! Пожалуйста! Не улыбаться, не смеяться, не шутить! Пожалуйста! Ради нее...

Двери ворот открылись, и вслед за Марком Данила вступил в огромный атриум с темными стеклами, закрывающими небо...

Соблюдайте тишину, — шепотом сказал Марк.

Только что он провел Данилу по длинному лабиринту страшных черных залов... Высокие готические потолки с причудливой лепкой, напоминающей пещерное царство сталактитов. Целые анфилады черных колонн с орнаментом, изображающим странных существ с рогами, хвостами, когтистыми лапами, длинными ушами и языками.

Сумрак. Полутона. Из ярких цветов — только черный.

Со стен мрачно смотрели иконы, словно специально покрытые толстым слоем копоти. Ни одного улыбающегося лица — скорбь, боль и страдание. Все, без исключения, окна этого

современного «замка» были закрыты темными витражами, изображающими не то сцены истязаний святых мучеников, не то мучения грешников в кругах ада.

Марк тихонько отворил дверь и неслышно проскользнул внутрь следующей очень просторной, похожей на тронный зал комнаты, и жестом пригласил Данилу следовать за ним.

Голос женщины — низкий и печальный — гулким эхом наполнял своды залы:

— «И сказал Иисус: „Я встал посреди мира, и Я явился во плоти. Но нашел всех их пьяными. И не нашел никого из них жаждущим. И душа Моя опечалилась за детей человеческих. Ибо они слепы в сердце своем, и они не видят, что они приходят в мир пустыми, и ищут они, чтобы снова уйти из мира пустыми. Когда они отвергнут свое вино, тогда покаются“». Блаженная Святая Мария, о чем говорит Спаситель?

Тон голоса этой женщины, возможно уже старухи, был таким, что Даниле показалось, будто бы он попал на какой-то странный экзамен.

— Он говорит о грешниках, — ответил ей слабый тоненький голосочек. — Он говорит, что нет среди людей праведников. Он говорит — «пусты», это значит — мертвы в Духе. Они причащаются грехом, а должны ждать истинного причастия. Об этом говорит Спаситель, благородная Анна.

— Благодарю, Блаженная Святая Мария, — сказала первая женщина, удовлетворившись этим пространством ответом, и продолжила чтение: — «И сказали ученики Его: „В какой день Ты явишься нам, и в какой день мы увидим Тебя?“ И ответил Иисус: „Когда обнажитесь вы и не застыдитесь этого. Когда возьмете одежды ваши и положите их у ног ваших, подобно малым детям. Когда растопчете их, тогда увидите вы Сына Того, Кто жив, и не будете бояться“». Блаженная Святая Мария, чем говорит Спаситель?

— Он говорит об отказе, благородная Анна, — ответил тонкий и тихий голос.

— О каком отказе, Блаженная Святая Мария? — с некоторым недовольством спросила старшая женщина.

— Об отказе от того, что делают обычные люди, благородная Анна, — уклончиво ответила Мария.

— А что делают обычные люди, Блаженная Святая Мария? — продолжала настаивать Анна.

— Они... — девушка запнулась. — Они не служат Господу.

— Правильно, — ответила «благородная Анна» нравоучительным тоном учительницы средней школы. — И сейчас, Блаженная Святая Мария, я прочту отрывок, который все объяснит...

Марк сделал несколько шагов вперед. Данила последовал за ним. В просвете между колоннами, в самом конце зала, при свете свечи на коленях перед двухметровой иконой, изображавшей пугающий своей холодностью лик Спасителя, стояли две женщины в черных одеждах. Руками они опирались на небольшие приставки. «Благородная Анна» держала на своей приставке большую старинную книгу в кожаном переплете.

— «Женщина в толпе сказала Ему, — читала Анна: — „Блаженно чрево, которое выносило Тебя, и груди, которые вскормили Тебя!“ И Он сказал ей: „Блаженны те, которые услышали слово Отца Моего и сохранили его в истине. Ибо придут дни, и вы скажете: „Блаженно чрево, которое не зачало, и груди, которые не дали молока““». Вы услышали эти слова, Блаженная Святая Мария?

— Да, я услышала, благородная Анна, — смиренно сказала девушка. — Спасибо.

— Вы закончили на сегодня? — спросил Марк.

Мария обернулась. Красивое, очень необычное лицо — вытянутое, высокий лоб, выступающие скулы, тонкий нос, было в ее лице что-то нордическое. Но глаза — большие, губы пухлые, словно течет в ней и африканская кровь.

— Марк! — воскликнула Мария и, утерев слезы, бросилась к нему. — Ты приехал!

— Да, я приехал, Мария, — ответил Марк и распахнул руки.

Данила замер. Он пережил шок. В первую секунду он не понял, что с ним произошло, но постепенно стал осознавать причину своей внезапной растерянности.

«Марк! Ты приехал!» — воскликнула Мария и бросилась к нему, но на ее лице не было и тени улыбки, ни единого намека. Уголки губ опущены к низу, брови страдальчески изогнуты. Она в ужасе? Она растеряна, расстроена, огорчена?.. Нет. Ничуть! Она рада. Как бы... должна быть рада. Но полное ощущение похорон! *Ужасающая сцена «счастливой встречи»*. И Марк... На его лице — маска бесчувственности. С каменным лицом он обнимает женщину и нежно гладит ее по голове.

— Братик, — радуясь встрече, грустно прошептала Мария. — Любимый братик...

«Сестра?! Она его сестра?! Но почему он ничего мне об этом не сказал?.. — Данила смотрел на них в изумлении. — Может быть, это просто стандартное обращение — «братья и сестры во Христе»?.. Нет! Нет-нет, это правда — он ее брат! Глаза! Совершенно одинаковый разрез глаз!» — подумал Данила и тут же вспомнил рассказ Марка о царственной династии Меровингов. «Они отличались особым разрезом глаз», — говорил ему Марк.

— Кхе-кхе, — раздалось откуда-то сбоку. Это намеренно кашлянула подошедшая к ним «благородная Анна».

Марк с явной тревогой быстро поднял глаза па Анну. Тут же его взгляд перекинулся на Данилу... И уже через мгновение он резко схватил Марию за плечи и развернул ее спиной к гостю.

Марк с ненавистью уставился на Данилу. Гневным жестом, словно бы вздергивая Данилу за нижнюю челюсть, он показывал: «Закуси верхнюю губу! Закуси верхнюю губу, немедленно! Испугаешь! Испугаешь!» Ярость!

Данила машинально, не вполне понимая, что именно он делает, закусил верхнюю губу. Единственная мысль нервно забилась у него в мозгу: «Не улыбаться! Не улыбаться! Не улыбаться! При ней... Ради нее...»

«Но что произошло?!» — подумал Данила, и через секунду пришло объяснение.

Данила вспомнил рассказ Марка о разрезе глаз Меровингов, услышал, что Марк — брат Марии, увидел, что у них одинаковый разрез глаз... Эти факты подтверждали один другой и вдруг сложились в голове Данилы как пазлы цельной картинки. Марк и Мария — брат и сестра. Понимание — эта маленькая радость — заставила Данилу инстинктивно улыбнуться. Естественная реакция, совершенно спонтанная, возникающая в обход сознания, сама собой, помимо воли.

Да, а когда знакомые люди встречаются, они, даже испытывая горе, все равно улыбаются друг другу. Инстинктивно, автоматически! Пусть лишь намеком, лишь кончиками губ и уголками глаз. Но улыбка касается их лица. Обязательно! И вот почему Данилу так смутила, так шокировала эта сцена встречи Марка и Марии! Встреча произошла, но чего-то главного, чего-то очень важного не случилось... Не было улыбки! Бесчувственная радость. Данила только сейчас это окончательно понял.

— Что вы читали, благородная Анна? — бесчувственно спросил Марк.

— Мы читали Евангелие от Фомы, господин Марк, — низким голосом сказала Анна. — Блаженная Святая Мария объясняла мне смысл этого апостольского послания. Так, дорогая?

— Да, — тихо ответила Мария.

— Я уверен, что это было полезно для вас, благородная Анна, — тем же тоном произнес Марк.

— Вы абсолютно правы, господин Марк, я очень благодарна Блаженной Святой Марии за

данные мне объяснения. Спасибо, дорогая!

«Зачем она врет? — удивился Данила. — Она не ждала от Марии никаких „объяснений“. Наоборот, это была какая-то теологическая муштра!»

— Вот и хорошо — сухо сказал Марк. — А теперь, Мария, повернись и познакомься. Это — Данила. Я тебе рассказывал, помнишь?

— Помню, — еле слышно ответила Мария, глядя на Данилу с некоторым недоумением.

Печальные. Печальные-печальные глаза. Казалось, Мария плакала несколько часов кряду. Данила ощутил, как зубы до боли стеснили его верхнюю губу.

— Я очень... — начал было Данила, собираясь продолжить — «рад нашему знакомству», но Марк, поняв это, тут же оборвал его.

— Хорошо! — почти крикнул Марк и, положив руку на плечи сестры, развернул ее в сторону двери. — Ты ведь не ужинала сегодня, да?

— Нет, — ответила Мария и с удивлением повернула голову, чтобы еще посмотреть на Данилу, но Марк не позволил.

— Вот и пойдем ужинать...

Благородная Анна смерила Данилу неприветливым взглядом и направилась вслед за Марком и Марией.

Ужин проходил в огромной столовой. В сумраке, при свечах, в полном молчании. Впрочем, это действо даже и не напоминало ужин, скорее — панихиду лилипутов у гигантского гроба мертвого Гулливера. За огромным, необыкновенно длинным столом сидели Мария, Марк, Анна и Данила. Лиц почти не было видно. Прислуживали люди в длинных черных рубахах. Словно тени они скользили по стенам, лишь изредка приближаясь к столу, незаметно, бесшумно.

Трапеза началась с молитвы. Больше никаких разговоров не последовало. Когда Данила доел свою порцию кашицеобразной, лишенной какого бы то ни было вкуса похлебки, его чуть не стошнило. На дне черной, выточенной из камня тарелки обнаружился рисунок — мерзкие чудовища, разрывающие на части человеческое тело. Отвратительное зрелище. Второе блюдо Данила, несмотря на голод, есть не смог.

— Знаешь ли, Мария, какую строфу из Евангелия от Фомы более всего любит твой брат? — спросил Марк после появления на столе чайных приборов.

— Какую? — тихо отозвалась Мария.

— Сто первую, — ответил Марк. — «И сказал Иисус ученикам Своим: Царствие Отца Моего подобно женщине, которая несет сосуд, полный муки. Но сосуд разбился, а мука рассыпалась позади нее на дороге. Женщина не знала об этом, а когда достигла своего дома, поставила Сосуд на землю и нашла его пустым».

Мария заплакала. В тишине были слышны лишь ее тихие жалобные всхлипывания. У Данилы мурашки побежали по коже — что ж это творится?! Что происходит? Что значит этот странный и страшный разговор? «Царствие Отца Моего подобно женщине, которая несет сосуд, полный муки. Но сосуд разбился, а мука рассыпалась позади нее на дороге». Разве могут быть такие слова в Евангелии? И что они значат?!

Марк поднялся из-за стола, попрощался с присутствующими едва заметным кивком головы и вышел из обеденной залы.

Через секунду Данила почувствовал, как кто-то коснулся его плеча. Он поднял голову и оглянулся. Один из служащих замка жестом предлагал Даниле встать и следовать за ним. Куда он его зовет? Данила повернулся к столу и взгляделся в сумрак. Мария и Анна продолжали оставаться на месте. Обе сидели молча, с опущенными головами. Не зная, как поступить, Данила нерешительно кивнул головой, убрал с коленей черную льняную салфетку, встал и,

будучи в полном недоумении, машинально двинулся следом за обратившимся к нему человеком.

Шаги Данилы гулким эхом отзывались в высоких сводах черных коридоров. Ему казалось, что он оказался в лабиринте. И только маячащая впереди шагах в десяти одинокая тень его проводника, сам факт его присутствия помогал Даниле держать себя в руках и соответствовать правилам приличия. Но окажись он хотя бы на секунду один, без провожатого, он бы тут же высадил первое попавшееся ему витражное окно, выбрался бы наружу и — хоть вплавь — бежал бы с этого дьявольского острова.

«Как крысы в лабиринте!» — подумал Данила, когда его провожатый опять завернул куда-то за угол, в пятый, наверное, уже раз меняя направление движения.

— Это ваши покои, — сказал провожатый, распахнув перед Данилой тяжелую дубовую дверь.

Тонкий луч слабого искусственного бледно-желтого света пролился из комнаты в коридор.

— Мои покои? — переспросил Данила. — А это надолго? Мы...

— Проходите, устраивайтесь, — попросил провожатый в черной рубаше, поклонился и растворился во мраке коридора.

Данила в нерешительности подошел к открытой двери «своих покоев», постоял на пороге, вошел внутрь, закрыл за собой дверь.

Первым делом Данила обследовал комнату. Словно на боевом задании...

Это было просторное помещение, состоящее из гостиной и спальни. Небольшая дверца разделяла две эти комнаты.

Стиль все тот же — тягостно-депрессивный. Темные витражи четырех окон, расположенных достаточно высоко от пола. Готическая лепка, ужасные темные барельефы на стенах, иконы с мертвыми страдальческими лицами...

Данила подставил к одному из окон стул и попытался его открыть. Своей увесистой металлической рамой оно было намертво впаяно в стену — ни щеколды, ни ручки, ни замка. Открыть можно, только разбив. Данила прильнул к стеклу. За ним красовалась массивная чугунная решетка.

«Черт!» — мысленно выкрикнул Данила, слез со стула и обследовал три других окна. Они были точно такими же — наглухо закрытыми, с решетками.

Не желая более терять ни минуты, Данила кинулся к двери. Нажал на дверную ручку и легким движением толкнул ее от себя... Дверь не поддавалась. Приложил усилие. К себе. От себя. Еще раз. Ударил. Безрезультатно. Данила повторял попытку раз за разом, но все безуспешно.

«Черт, западня!» — снова выругался Данила.

И вдруг в голове словно бы что-то екнуло, мелькнула шальная догадка. Он пристально посмотрел вверх.

Потолок был высоким. Данила составил мебель — взгромоздил кресло на небольшую тумбу, на кресло — стул... Держась за стену, осторожно взобрался наверх по этой неустойчивой конструкции и внимательно осмотрел потолок. В ближайшем от него углу, спрятанная за одним из многочисленных барельефов, торчала видеокамера...

В исступлении Данила спрыгнул на пол и начал крушить все, что попадалось ему под руку. Охватившее его чувство ярости дошло до исступления. Что с ним происходит?! Как могло такое случиться?! Почему они вообще позволяют себе все это?! Чего они от него хотят?!!

«Покои» за считанные секунды превратились в руины.

Вы должны нас понять, — говорил Марк, зайдя к Даниле утром следующего дня. — Здесь все служит одной-единственной цели — безопасности Марии. Вы же понимаете, что значит ее

безопасность и что значит она сама...

— Марк, — прервал его Данила хриплым голосом невыспавшегося человека. — Мне не показалось, что вы достаточно дорожите ею. То, как вы с ней разговариваете, — это ужасно. Вы заставляете ее плакать.

— У каждого из нас свой крест и своя роль, — уклончиво ответил Марк, равнодушно разглядывая последствия погрома, который Данила устроил вчера вечером.

— И какова же ваша, Марк?

— Объяснить вам вашу, — ответил тот. — Пойдемте!

Данила посмотрел вслед уходящему Марку. Помедлил секунду и поднялся с лежанки, на которой провел эту бессонную ночь.

«Куда теперь?» — подумал он, понимая, что ему больше ничего не остается, как следовать за Марком.

Только сейчас Данила заметил, что все двери в замке открываются с помощью специальных магнитных ключей. У Марка на запястье болтался какой-то предмет наподобие четок. Но, как оказалось, это были вовсе не четки, а стилизованный держатель для магнитного ключа. Стоило провести им рядом с дверной ручкой, и замок открывается. Закрывались же двери, судя по всему, автоматически.

Марк и Данила прошли длинными коридорами, поднялись по лестнице и через минуту-другую вышли на террасу, находящуюся почти под самой крышей атриума. Солнечные лучи нагревали темное стекло, закрывающее огромный внутренний двор замка, но почти не просачивались внутрь. Так что, несмотря на солнечный день, внутри этой крепости-тюрьмы было очень сумрачно.

— Я хочу, чтобы вы просто за ней понаблюдали, — шепотом сказал Марк. — Понаблюдайте. Понаблюдайте... — и удалился куда-то в глубь террасы.

Данила посмотрел вниз. Там, в саду, среди камней и какой-то слабой растительности прогуливалась Мария. Она шла по узким мощеным дорожкам в полном одиночестве и, казалось, с кем-то разговаривала. С кем?..

Данила пригляделся. Мария шла медленно и как-то очень странно — не то хромая, не то пританцовывая. Она то и дело останавливалась у небольших деревьев и гладила их листочки. Со стороны казалось, будто бы она здоровется с ними, пожимает им руки — с заботой и уважением. А потом Мария начинала что-то шептать им прямо в крону, как будто сообщая секреты. Она вела себя так, словно и не сомневалась в том, что растения и деревья — живые, что они все чувствуют и все понимают.

Заговорщицки пошептавшись с деревом, Мария как ни в чем не бывало шла дальше. И снова останавливалась, внезапно, как будто бы кто-то ее подзывал. Мария деловито оглядывалась, приседала рядом с каким-нибудь камнем и начинала что-то нравоучительно ему говорить. Она покачивала головой из стороны в сторону, грозила ему пальцем, потом гладила его, снова качала головой, на сей раз одобрительно, вставала и продолжала свое странное — танцующе-хромающее — движение по дорожкам сада.

И было во всем этом что-то такое щемящее, трагическое, какая-то неизбывная тоска. Данила смотрел на Марию как замороженный. Ему не раз доводилось наблюдать за юродивыми, но сейчас в том, что он видел, было нечто особенное. Юродивые обычно смеются, улыбаются или, на худой конец, гримасничают. В том, что они делают, всегда есть какая-то веселая дурашливость. Но ничего этого не было в Марии. На ее детском лице застыло совершенно взрослое выражение отчаяния. В ней была та сила скорби, на которую способен только очень и очень зрелый человек. Но этот человек казался Даниле ребенком...

Данила держался двумя руками за поручень, ограждавший террасу, и вдруг почувствовал,

как капля упала ему на руку. Он поднял голову в недоумении — неужели дождь? Прохудилась стеклянная крыша атриума? Нет. Никаких признаков дождя или проблем с крышей. Данила опустил голову, посмотрел вниз, и в этот же миг еще одна капля упала ему на руку. Что же это?.. Слезы. Он плакал и даже не чувствовал этого. Какое странное, какое жуткое чувство... Он плачет, а не чувствует этого. Словно умер, а накатившие перед смертью слезы бегут из его глаз абсолютно механически, самопроизвольно.

— Вы теперь понимаете?.. — услышал он позади себя голос Марка.

— Что я должен понимать? — Данила вздрогнул от неожиданности.

— Смерть была бы для нее единственным спасением, — бесчувственно ответил Марк.

— Но почему этот обет скорби несет она, а не вы? — Данила с каким-то бессильным ожесточением посмотрел в черные глаза Марка. — Вы же ее брат. Вы могли бы...

— Обет передается по женской линии, — прошептал Марк. — Мужчины в нашем роду хранят и оберегают женщин, но кровь Христа передается только из чрева в чрево, и никак иначе.

— Марк, но что вы хотите от меня? Что?!

— Чтобы вы ее спасли, — спокойно ответил тот.

— Спас?! — поежился Данила. — Но чем?! Как?!

— Смерть была бы для нее единственным спасением, — повторил Марк.

— Вы хотите, чтобы я убил ее?! — вздрогнул Данила. — Вы вообще в своем уме?!

— В этом нет необходимости, — как-то глухо и пусто ответил Марк. — Как только у нее появится возможность, она сразу же покончит с собой. Вы не улыбаетесь меньше суток, но уже не чувствуете себя живым. Мария не улыбалась никогда, почти никогда. Вы думаете, она сохранит себе жизнь, если у нее будет хоть какой-нибудь шанс умереть? Нет. Так умерли ее мать, ее бабушка, ее прабабушка, прапрабабушка... Все женщины рода.

— Боже мой, — прошептал Данила. — Это бред какой-то, бред... Вы шутите.

— На этом острове никто никогда не шутит — тихо ответил Марк. — И не только потому, что это запрещено, но и просто потому, что это невозможно. Так что я говорю с вами абсолютно серьезно. Вы должны освободить ее. Из любви, из сострадания. У вас же доброе сердце, Данила.

— Доброе сердце?.. — Данила физически ощутил, как округлились его глаза. — О чем вы говорите, Марк?! Что я должен сделать?!

— Освободите ее, — повторил Марк, и впервые Данила услышал в его голосе вздрагивающие нотки отчаяния.

Марк просил Данилу. Просил! Но о чем?!

— Марк, я ничего не понимаю, — Данила растерянно смотрел на своего собеседника. — Что я должен сделать?! Как я могу ее освободить?! Что вы имеете в виду?..

— Ребенка, — тихо ответил Марк.

— Что — ребенка? — не понял Данила и от удивления выгнул шею.

— Она должна родить ребенка.

— Ребенка?..

— Девочку.

— Что?!! — крикнул Данила, но звук застрял у него горле, превратившись в болезненный сип.

— Тогда я смогу позволить ей умереть, — голос Марка дрогнул, глаза наполнились слезами. — Спасите ее. Вы предназначены...

— *Стать отцом ее ребенка?!* — Данила почувствовал, как у него подкосились ноги и закружилась голова...

— Кто-то должен нести этот крест...

Данила стоял на песчаном берегу. Прямо перед ним в окружении желтоватых гор и цветущей сочной зелени лежало огромное прозрачное, как капля росы, озеро. В нем отражалось высокое небо. Пели птицы. Где-то вдалеке журчала вода...

Ощущение безмятежного рая. Хотелось улыбаться, даже нет — больше! Хотелось кричать от счастья, бежать, заливаясь счастливым безудержным смехом! Так хорошо было душе, так радостно!

«Но почему озеро?.. — удивился Данила. — Откуда?» И тут же вспомнилась Мария, гуляющая по сумрачному саду камней и жалких деревьев. И в эту же секунду Данила понял, что, несмотря на всю свою радость, он не может улыбнуться. Стоит, радуется, но на его лице нет улыбки. словно в свинцовой маске. И тоска, холодная-холодная тоска...

Как будто Данила весь леденеет снаружи. Покрывается инеем и мерзнет. И этот холод идет внутрь, все глубже и глубже, подбирается к самому сердцу...

— Какой жаркий день! Какой жаркий день! Это надо же! — причитал кто-то позади Данилы.

Обернувшись, Данила увидел целую группу людей, расположившихся в тени огромных валунов и ветвистых кипарисов.

— Да прекрати ты уже, Симон! — взмолился бородатый мужчина средних лет в пестрых одеждах. — Ни о чем другом подумать не хочешь?!

— Подумать?.. — неуверенно протянул Симон. — О чем, Иуда?!

— О том, как мы объясним людям, что их Царь не в ладах с рассудком! — прошипел тот и раздраженно покрутил руками вокруг своей головы.

— На все воля Господа, — сказал самый молодой из всей этой группы человек лет двадцати трех—двадцати пяти.

— Иоанн, — оборвал его еще один из сидевших здесь людей. — Господь ничего не делает, если Ему не помогают.

— Ты прав, брат, — ответил Иоанн. — Но что мы можем сделать с тем, что Иосия смеется?.. И ты же знаешь, я люблю его смех. Какая мне разница — Царь он или не Царь...

— А Пилата ты любишь?! Любишь?! — закричал Иуда, размахивая перед лицом сжатыми кулаками. — Любит он, видите ли! Хорошенькое дело! Рабом любишь быть, да?! Пилату ноги лизать, да?!

— Не передергивай, — попросил Иоанн. — Рабом я быть не хочу. — Иоанн отвернулся и тихо повторил, словно бы про себя: — На все воля Господа.

— Влюбленный дурак! — выругался Иуда, раздраженно плюнул, встал и пошел к воде.

Данила следил за этой беседой и никак не мог понять, что же здесь происходит. Неужели он снова в древней Иудее? Ему это снится? Опять?! Но все вокруг него было настолько реальным, настоящим, настолько живым...

— Римлянин? — спросил Иуда, поравнявшись с Данилой. — Шпион или перебежчик?

— Что? — не понял Данила.

— Говорю — шпион или перебежчик? — пренебрежительно ухмыльнулся Иуда.

— Перебежчик? — переспросил Данила. — У вас что здесь — война?..

— Ты с неба упал, что ли? — высокомерно расхохотался Иуда. — «Война» — тоже спрашивает! Нет, мир! Второй год уже! М-и-и-и-и-р...

По тону Иуды можно было заключить, что мира на земле обетованной нет. В Иудее война. Ровно эти два года. Но что случилось два года назад?

— Вот как помазали Иосию на царство в водах Иордана, так и м-и-и-и-и-р... — продолжал Иуда, разговаривая уже сам с собой.

Целый ворох мыслей вихрем пронесся в голове Данилы. «Воды Иордана» — крещение? Это было не крещение, а помазание на царство?! Христа помазали на царство, быть Царем Иудейским, как и рассказывал Даниле Марк! Иосия возглавляет освободительную войну иудеев против римских захватчиков?! Марк был прав?!

«Римлянин — шпион или перебежчик?», «Война — тоже спрашивает!», «М-и-и-и-р!», «Пилата любишь?!», «Рабом любишь быть, да?!» — обрывки подслушанного разговора нервным гвалтом звучали в голове Данилы.

— Иуда Кариот! — раздалось откуда-то справа.

— Да, Петр! — отозвался тот. — Наконец-то!

— Иди сюда! — поманил его рукой Петр.

— Надо пошептаться...

Данила в ужасе смотрел на удаляющуюся спину Иуды, который шел «шептаться» с Петром. Через минуту они двое скрылись за деревьями. Но о чем они могут шептаться — Петр и Иудой — с глазу на глаз?! Обсуждать планы боевых действий?! Или, может быть, о том, как уговорить Иосию не смеяться, потому что смеющихся царей не бывает... И за смеющимся главнокомандующим никто в бой не пойдет... Так?!

— Вы вообще понимаете, что он Бог? — сказал вдруг Данила, глядя в сторону сидящих в тени апостолов. — Понимаете?..

Эти слова сами сорвались у него с языка. Данила и не думал произносить их, но сказал. И его взгляд тут же встретился с глазами Иоанна — любимого ученика Иосии.

— Кто — Бог? — удивленно спросил тот. И Данилу поразило то недоумение, которое читалось в глазах Иоанна.

— Эй! — послышался голос Петра. Сидевшие в тени кипарисов апостолы встрепенулись. — Пойдемте! Пойдемте! Скорее!!!

Смеющийся человек поднимался по склону, приветствуя собравшихся взглядом и прикосновением. На склоне разместилось несколько сотен человек, быть может тысяча или даже больше того.

— Чему он радуется? — недовольно шептали люди. — В Иерусалиме сидит прокуратор, льются реки крови избранного народа — чему он радуется?!

— Может, он и вправду одержим, как говорят? — спрашивали другие и недоуменно пожимали плечами. — Где же это видано, чтобы царь в изгнании, чей народ страдает от захватчиков, радовался и смеялся?

— Проклят народ иудейский! Проклят! — восклицали третьи. — Когда это было, чтобы смеялись цари и пророки — Авраам и Моисей, Саул и Самуил, Илия и Давид?! Горе нам, горе! Смутные времена! Бог потешается над избранным племенем, посылая ему такого царя! Горе, горе!

Тем временем мужчина поднялся на вершину склона и большими лучащимися глазами смотрел на собравшихся. Рядом с ним были его ученики. Данила узнал Иуду, Симона, Петра и Иоанна, чьи имена он слышал на берегу.

— О чем ты будешь говорить с нами, царь Иосия? — спросил его Петр.

— О человеке, — ответил он и улыбнулся. Петр немного скривился, но постарался не показать, что он недоволен словами учителя.

— Царь Иосия будет говорить о нас! — провозгласил Петр, окидывая взглядом толпу. — Народ Израиля, слушай слова царя-освободителя!

— Думаете вы, что пришел я нарушить закон, но не нарушить пришел его я, а исполнить. Истинно, истинно говорю вам: доколе не услышите вы слов Божьих, не увидите вы и мира и не

обретете свободы. И кто нарушит заповеди мои, не узнает, что есть истинное Царство, где нет ни царя, ни слуги, но только цари, ибо там все свободны. Многие слышали вы наставления от книжников, многие соблюдали заветы прежних пророков и тем обрели вы доброе имя среди людей, что вокруг вас. Но нашли ли вы праведность перед самими собой? Вот о чем спрашиваю вас я, царь истинного Царства, что одно на всех, на земле и на небе.

Данила смотрел на Иосию, боясь пошевелиться. Невысокий человек — удивительно красивый, с длинными вьющимися волосами, аккуратной бородой и лучащимися глазами. Улыбка не сходила с его уст, играла, танцевала на губах. Данила вглядывался в нее, любовался этой улыбкой, словно она могла сказать ему больше, чем любое из слов, что слетает с уст Спасителя.

«Что есть истинное Царство, где нет ни царя, ни слуги, но только цари, ибо там все свободны»...

Неужели это тот самый мальчик — Иосия, который обнял Данилу в саду своих родителей — Иосифа и Марии? Да, улыбка — та самая, незабываемая, завораживающая улыбка...

— Сказано вам: не убий, кто же убьет, подлежит суду. Я же говорю вам: всякий, кто гневается на брата своего, себя осуждает гневом своим на боль и страдание. И если идешь ты к жертвеннику, прежде спроси себя — улыбнулся ли я брату своему, когда шел с даром своим к Господу моему? И если нет, то оставь своей дар и спустись к брату своему и скажи ему: «Вот, брат, я оставил Господа, чтобы прийти к тебе и улыбнуться, ибо люблю тебя всем сердцем своим — ныне и присно и во веки веков». Так и я говорю к вам, братья и сестры!

Слышали вы, что сказано древними: не прелюбодействуй. Я же говорю вам: кто изменил самому себе — тот несчастнейший и ввергнет он себя в геенну страданий. Ибо как сможет он смеяться и быть счастливым, если с самим собой он не может быть честным? И если правый глаз твой обманывает левый, скажи ему: пусть буду лучше слепым я, чем обманутым! И вырви глаз этот, ибо лучше без глаза быть, чем без радости! И если правая рука соблазняет тебя отказаться от самого себя, отсеки и брось ее, ибо лучше быть без одного члена своего, чем без самого себя!

Еще слышали вы, что сказано древними: не преступай клятвы, но исполняй клятвы твои пред Господом. А я же говорю вам: не клянись вовсе! Ибо нет ни неба, ни земли, ни головы твоей, ни волоса на ней. Ибо нет ничего, кроме радости, кроме смеха вашего. Но и радостью своей не можете вы клясться, ибо как можете вы клясться тем, что дано вам от Бога, и не дано, но одолжено? И помните потому, что ваша радость — это Его радость, ваш смех — это Его смех. И храните драгоценность эту как зеницу ока своего, ибо для Него вы храните ее и Его тем оберегаете.

— О чем он говорит?! — недовольно шептались люди, собравшиеся на горном склоне. — О каком смехе?! О какой радости?! Неужели он наш *царь*?! Ах, горе нам, горе! Почему он не говорит о скорби, если он царь своему народу?!

Как не скорбеть нам, если все мы в рабстве у римлян?! Друзья наши и дети наши увезены в чужие земли... Как не скорбеть нам?! Как?! И чему радоваться, если отнята у нас свобода?!

— Да какой он царь?! Разве бывают смеющиеся цари?! — кричали другие. — Он больной! Совсем больной! В нем бесы!!!

Недовольство и раздражение собравшихся нарастало с каждой минутой, но Иосия продолжал говорить, словно ничего не видел и не слышал. Он вел себя так, словно бы настроение собравшихся, их отношение к его словам не имеет никакого значения.

Иосия говорил искренне, проникновенно, пронзительно. Он говорил так, что всякое его слово, всякое обращение касалось каждого, словно бы оно было личным, индивидуальным. И о чем бы ни шла речь, улыбка не сходила с его уст. Казалось, что это даже не улыбка, а сияние!

Но те, кто собрался сейчас на этом горном склоне, ждали от него совсем других речей. То, что говорил Иосия, было им безразлично. Совершенно безразлично. Всем. Даже ученикам! Они ждали от него призыва к войне, обличений, приказов, агрессивной антиримской риторики. Но ничего этого не было. Иосия просто читал свою проповедь — нагорную проповедь о радости сердца...

— Слышали вы, что сказано вам: око за око и зуб за зуб, — продолжал Иосия и улыбался с нежностью и добротой. — А я говорю вам — радость за радость, и не за радость — тоже смех добродушный. Будут говорить вам, что вы безумны, но вы улыбайтесь и дарите радость. Будут говорить вам, что вы не правы, но вы улыбайтесь и дарите радость. Будут сквернословить на вас, но вы улыбайтесь и дарите радость. Ибо, что бы они ни делали, оно — их, и что бы вы ни делали, оно — ваше. И кто делает зло, тот и живет во зле. А кто дарит радость, тот и живет в радости и его есть Царствие истинное и жизнь вечная.

И слышали вы еще: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам — улыбайтесь врагам вашим и друзьям вашим — улыбнитесь. Ибо все они стоят перед вечностью, и вы среди них стоите. И на что жизнь тратить вам, если стоите вы перед вечностью? Кто перед вечностью мал или велик? Кто прав, а кто заблуждается? Сравнитесь с вечностью, и увидите вы, что нет вокруг вас ни ближних, ни дальних, ни врагов, ни друзей. Солнце встает над всеми, и вечность забирает всех. О чем же вы думаете?.. Улыбайтесь, братья и сестры! Смейтесь!

И будьте радостны, как радостен Отец ваш Небесный!

И всякого, кто слушает слова мои, исполняя их, уподоблю я мужу благоразумному, который построил свой дом на камне. Ибо пойдет дождь, и разольются реки, и подуют ветры, и устремятся силы сии на дом тот, но не упадет он, ибо основан на камне. А всякий, кто слушает меня, но не слышит, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И горе ему, ибо пойдет дождь, и разольются реки, и подуют ветры, и нападут они на дом тот, и упадет он, и падение его будет великим.

Данила чувствовал, как к его глазам подступают слезы. Он смотрел вокруг, на тех людей, что собрались здесь, смотрел на них и не мог понять — неужели никто из них не слышит Его слов?! Неужели никто не понимает Его?!

— О каком доме ты говоришь?! — выкрикнул кто-то из толпы. — О Иерусалиме?! Но почему ты здесь, а он там?! Веди нас в дом свой, Иосия!

— Да! — подхватил другой. — Нет у нас сил больше! Мы не можем терпеть более!

— Ты скажи нам, Иосия, — кричал третий, — что Бог говорит тебе?! Скоро ли освободится Израиль от римлян?! Чего ты ждешь?! Почему не идешь в Иерусалим?!

Выкрики все продолжались, нарастая с каждой минутой, переходя в надрывный истеричный гвалт. Но Иосия не отвечал. Он лишь молча смотрел на кричащих людей, столпившихся на горном склоне, и улыбался.

— Знаешь ли ты о нашем страдании, Иосия?! — кричали люди. — Знаешь ли ты?!

— Почему не заступишься?! Почему не защитишь?! — кричали они. — Яви силу Господа нашего! Изгони язычников из святого города — Иерусалима!

— Блаженны щедрые душой, ибо в них есть сила великой радости, — шептал Иосия. — Блаженны смеющиеся, ибо они освещают землю и питают сердца. Блаженны кроткие, ибо их улыбки смягчают ожесточение. Блаженны пребывающие в истине, ибо жизнь их — радость небесная. Блаженны милостивые, ибо к ним обратятся и не останутся они в одиночестве. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят и возрадуются. Блаженны миротворцы, ибо они наречены будут сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их царство свободы и радости. Блаженны вы, когда будете смеяться, видя смерть мою на кресте. Радуйтесь и веселитесь, ибо награда ваша в сердцах ваших и никто не отнимет ее у вас, кроме вас самих.

Радуйтесь! Радуйтесь! Радуйтесь!

— Ты что, собрался умереть на кресте? — прервал Иосию стоявший рядом с ним Петр. — А как же мы?!

— Но кто же сядет на трон Иерусалима, если не ты?! — оторопел Иуда Кариот. — Как же, Иосия?..

— Что значит — блаженны мы, когда будем смеяться, видя смерть твою на кресте, Иосия? — взмолился Иоанн, падая перед учителем на колени и утирая набегающие слезы. — Ты умрешь, Иосия?! Когда?! Почему мы должны будем смеяться, Иосия?! Почему?!

Стало происходить что-то невообразимое. Люди повскакивали со своих мест и кинулись наверх, к Иосии. Они толкали друг друга. Началась ужасная давка. Кому-то стало плохо. Звали на помощь. Плакали. Рыдали.

— Что это значит, Иосия? — кричали ученики, перебивая один другого. — Смеяться?! А кто же будет править?! Мы должны будем смеяться, когда ты умрешь?! Да, Иосия?! О чем ты говоришь?! Почему мы будем смеяться?! Почему?! Зачем?!

И посреди этой паники Иосия оставался на том же месте и глядел вокруг лучающимися смеющимися глазами. Но Даниле вдруг показалось, что Иосия не просто смотрит по сторонам, он выискивает кого-то взглядом. Тут их глаза встретились...

— Он знает, — тихо сказал Иосия, улыбнулся Даниле и показал на него рукой. — Он знает. Данила стоял в полном оцепенении. Один, на опустевшем склоне, напротив огромной толпы, сгрудившейся на вершине.

— Римлянин?! — прокричал в наступившей вдруг тишине Иуда Кариот. — Римлянин?! — прокричал он, показывая на Данилу.

Толпа взревела и, словно селевой поток, с неистовой дикой яростью бросилась вниз...

Данила ощутил приступ нестерпимой, надсадной боли. Все его тело затекло, одеревенело и ныло, будто прошло через огромную мясорубку или попало под гигантский пресс. Данила попытался шевельнуться, но у него ничего не вышло. Он был связан по рукам и ногам! Накатил какой-то животный ужас. Данила открыл глаза.

Вокруг белый искусственный мертвый свет. И бинты... Его тело похоже на мумию! Данила с ног до головы был аккуратно замотан в черные бинты!

Его убили?! Положили в каменный гроб?! Он умер, а теперь воскресает?! Но почему искусственный свет?..

И вдруг прямо перед ним появились знакомые глаза. Внимательный взгляд. Глаза Иосии... Только женские.

— Ой! — воскликнула от неожиданности девушка. — Он приходит в себя!

— Мария?.. — прошептал Данила, едва размыкая ссохшиеся губы.

Что с ним случилось? Почему он весь забинтован? Что с его телом? И где он сейчас? Что реально — эта комната с искусственным светом или древняя Иудея, где он только что был? Где явь, а где наваждение?

— Воды? — неуверенно спросила Мария. Данила едва заметно кивнул.

— Благородная Анна, — услышал он краем уха, — вы позволите дать нашему гостю воды?

— Конечно, Блаженная Святая Мария, сделайте это, — сдержанно согласилась Анна. — Вы, как всегда, очень добры. Он будет вам благодарен.

Послышался звук стеклянных предметов и шум льющейся жидкости.

Мария подошла к Даниле и стала поить его водой из черного матового стакана. Грустное лицо. Ни намек на улыбку. Можно было подумать, что Мария вливает в него яд. Но нет, это не

так. Она добрая. Она хорошая. Она добрая, хорошая и очень несчастная.

Данила жадно хватал ртом воду, абсолютно лишённую вкуса и запаха. Она лилась по его губам и щекам, пропитывала бинты, намотанные вдоль шеи, головы... В теле появилась какая-то непонятная теплота, веки отяжелели, и он снова провалился в небытие.

— Марк, что со мной случилось? — спросил Данила, показывая взглядом на свое загипсованное тело и бесчисленные повязки.

— Не знаю, как это вышло, — Марк недоуменно пожал плечами. — Вы потеряли сознание и каким-то странным образом умудрились перевалиться через перила. Непонятно, как это у вас получилось.

— Я упал с той террасы в сад?! — не поверил своим ушам Данила. — Там высота — метров десять, если не больше!

— Больше, — подтвердил Марк. — Не знаю, как это вышло. Не знаю.

— Вы это намеренно сделали, — тихо прошептал Данила. — Но зачем? Я ведь мог и умереть. И вы еще утверждаете, что я вам нужен как воздух?

Марк сидел в кресле неподалеку от кровати Данилы. Но, услышав эти слова, встал и отошел в сторону.

— Ваши подозрения беспочвенны, — сухо сказал он. — Если бы я хотел вашей смерти, Данила, поверьте, мы бы сейчас с вами не раз говаривали. Но мне не нужна ваша смерть, мне нужно большее.

— Большее... — Данила инстинктивно вздрогнул. — Больше смерти?

— Да, Данила, — отозвался Марк, разглядывая тусклый свет, преломленный толстым цветным стеклом витража. — Мне нужно ваше служение — ей...

— Так мне это не почудилось?! — воскликнул Данила. Разрозненные воспоминания о последнем разговоре с Марком всплыли в его памяти. — Вы хотите, чтобы я стал отцом ее ребенка?! Вы хотите, чтобы моя дочь стала очередной жертвой всего этого вашего безумия?!

— «Каждому свое», — безразлично ответил Марк, цитируя Екклесиаста. — Личная судьба вашей дочери меня не интересует. Я свыкся даже с тем, что моя мать умерла, наложив на себя руки, а моя любимая сестра до сих пор погружена в ад страданий. Я беспокоюсь за этот мир, Данила, а не за отдельных людей. Кто-то должен нести этот крест. Кто-то должен. И если это не ваша мать, не ваша сестра и не ваша дочь, то это будет чья-то чужая мать, чужая сестра, чья-то чужая дочь. Скажите же мне, какая разница? Просто кто-то служит, а кто-то нет. Кто-то отвечает за всех, а за кого-то отвечают. Вы спрашиваете меня — «почему я?!» Но так восклицает всякий, кто сталкивается с Промыслом. И у меня нет ответа на этот вопрос. Если вы, Данила, хотите знать мое мнение, то я отвечу просто — вероятно, потому, что именно вас Бог избрал для этой миссии. Что я могу еще сказать?..

— Марк, вы хотите убедить меня в том, что Бог жаждет человеческих страданий? — недоверчиво спросил Данила. — В это вы предлагаете мне верить?

— Это не Бог, — Марк отрицательно покачал головой. — Это не Бог жаждет наших страданий. Этого, видимо, хотят сами люди. Есть что-то в природе человека, что заставляет его страдать, желать и искать страдания. Вы когда-то говорили, что страдание бессмысленно. И я с вами абсолютно согласен. Но, несмотря на бессмысленность страданий, люди почему-то их продуцируют. Значит, оно просто им нужно.

— Я говорил, что страдание лишено смысла, что оно — ошибка, — согласился Данила, чувствуя, как трудно ему собраться с мыслями. — Это великий миф и великая иллюзия. Но это можно понять, только пережив страдание и — на пике боли — отказавшись от него. Когда ты перестаешь трепетать перед страданием, когда ты становишься над ним, когда ты становишься

выше его — оно уходит. И такой поступок, это внутреннее решение — проявление зрелости человека. Это его *поступок*, для этого нужна сила. А большинство людей не понимают этого. Они боятся страданий и бегут от них, а оно гонится за ними. Так оно рождается...

— Да, я не отрицаю, что в человеке есть и другое желание, — сказал Марк, словно бы не услышав ни одного слова Данилы. — Человек жаждет страдания, но он жаждет и другого — во что бы то ни стало избежать страданий, укрыться от них, спрятаться. И кто-то должен укрывать его, прятать, оберегать. Кто-то должен делать это из чувства любви к нему — к слабому человеку. Из любви к человечеству. Кто-то благодаря мудрости своего сердца, благодаря своей душевной щедрости, своей доброте должен встать на защиту тех, о ком сказано: «Да простится им, ибо не ведают они, что творят». Да, люди, все человечество, не ведают, что творит. И этим оно обрекает лучших людей на страдания — ради своих прихотей и несдержанности. Кто-то грешит, а кто-то искупает грехи...

И тут вдруг Данила вспомнил слова Иосии. Те самые, что он говорил, стоя на горе перед собравшимся народом: «Блаженны щедрые душой, ибо в них есть сила великой радости. Блаженны смеющиеся, ибо они освещают землю и питают сердца. Блаженны кроткие, ибо их улыбки смягчают ожесточение. Блаженны пребывающие в истине, ибо жизнь их — радость небесная». Разве не противоречат эти слова всему тому, что говорил ему Марк?

— Но откуда в вас такая уверенность? — прошептал Данила. — Почему вы думаете, что кто-то должен искупать грехи человечества?

— Сам Христос был жертвой во искупление наших грехов! — оборвал его Марк.

— Но вы же сами говорили, что это нелепо! — прохрипел Данила. — Вы сами говорили, Марк, что это нелепо! Что Бог не может жертвовать Самим Собой Самому Себе! Вы говорили, что смерть была бы избавлением!

— Я говорю о его жертве, но я не говорю о жертве на кресте, — Марк посмотрел на Данилу как на душевнобольного. — Его жертва — это его обет. И он не был Сыном Божьим, он был Пророком — тем, кто говорит с Богом! Его жертва — обет горести и страдания. Вот его жертва!

— Но почему?.. — не унимался Данила. — Почему вы так уверены?! Возможно, это заблуждение, ошибка, еще один миф! Как вы можете знать, какую «делку» Иисус заключил с Богом?! А даже если и было что-то подобное, то где гарантия, что его поняли правильно? Где гарантия, что его проповедь поняли правильно, хотели понять правильно? Не может ли быть, что это ошибка? Просто досадная ошибка?

— Вам, видимо, хочется так думать, Данила, — ответил Марк и как-то странно посмотрел на Данилу, словно что-то понял или почувствовал. — Возможно, вам даже мерещится что-то подобное... Возможно, теперь вы представляете себе смеющегося Христа, который говорит: «Блаженны щедрые душой, ибо в них есть сила великой радости. Блаженны смеющиеся, ибо они освещают землю и питают сердца».

«Откуда он знает?!» — в ужасе подумал Данила.

— Все, кто сознательно принимают на себя обет горести и страдания, — продолжал тем временем Марк, — переживают подобные видения. Все. И я должен предупредить вас, Данила, что это искушения Дьявола. Это Дьявол смущает ваш дух и предлагает вам ложные пути. Это он говорит вам: «Забудь о других людях! Радуйся и веселись! Если они выбрали себе грех и страдание — это их грех и страдание, и тебе нет до того никакого дела! Ты должен смеяться и радоваться!» Это слова Дьявола, Данила. Помните об этом.

Данила почувствовал, как страшный холод объял его изнутри. Неужели Марк прав?! Нет, не может быть. А может быть — да?

И тут Данила посмотрел на свои гипсы, бинты... Он упал с верхотуры? Перевалился через ограждение террасы и разбился? Или же нет?.. Может быть, та сцена в древней Иудее ему не

привиделась и он действительно стал жертвой разгневанной толпы?

«Римлянин?! Римлянин?!» — раздался в его голове голос Иуды Кариота.

— Знаете ли вы, Данила, что за последние несколько дней вы ни разу не улыбнулись? — спросил вдруг Марк.

— Что? — не понял Данила, выходя из глубокой задумчивости и тягостного оцепенения.

— За последние несколько дней вы ни разу не улыбнулись, Данила, — повторил Марк. — Вы, сами того не заметив, подавили свою физиологию, свою биологическую потребность в радости, упразднили ее — силой воли. Одной только волей. Знаете ли вы это?

Данила задумался. Да, Марк прав. С тех пор как Данила находится в замке, он действительно ни разу не улыбнулся. Но сколько прошло времени с тех пор? Два дня? Или больше? Данила потерял счет времени. Но сколько бы это ни длилось, он действительно ни разу не улыбнулся... Наверное, поэтому он и чувствует себя так скверно. Его душа словно бы затвердела и стала саднить. В груди появилась какая-то странная, не физическая, но ощутимая буквально физически резь.

— А знаете, почему вы не улыбаетесь? — продолжал Марк.

— Почему?

— Из сострадания, Данила, — ответил Марк. — Из сострадания. Из сострадания к той женщине, которая несет на себе тяжкий крест беда горести и страдания. Из страха обидеть и ранить Марию, из страха сделать ей больно. И неужели вы думаете, что Христос, который так сильно любил людей, любил, как никто другой на этой грешной земле, не принял бы на себя этот обет, если бы знал, что так он может спасти и защитить их? Неужели вы думаете, что он не пожертвовал бы и радостью своих детей ради общего блага?..

Данила испытывал странные, смешанные чувства.

— Но как он мог пожертвовать радостью своих детей? — Данила недоверчиво покачал головой из стороны в сторону. — Я бы понял, если бы этот обет касался его одного, но дети... В чем они виноваты?

— В том-то и дело, Данила, что его дети ни в чем не виноваты. Виноваты люди, а он сам, Христос, и его дети — они лишь платят. Это их жертва. Это их служение, их подвиг.

Данила с трудом повернул голову набок и внимательно посмотрел на Марка. Тот продолжал стоять у окна и задумчиво водил пальцами по цветному стеклу, словно бы лаская его.

— Марк, вы правда во все это верите? — тихо спросил Данила.

— Я знаю это наверняка, — ответил Марк, не отрываясь от своего занятия.

— Но люди во всем мире... те, кто верят в Христа, они верят в другое... — усомнился Данила. — Что ж, они заблуждаются?

— Заблуждаются, — с каким-то странным безразличием в голосе сказал Марк. — Они стали жертвой политической игры. Церковь — это власть. Власть — это политика. Политика — это ложь. Что в этом странного?

— Но почему вы не скажете людям правду?

— Правду? — Марк повернулся к Даниле лицом и посмотрел на него с плохо скрываемым презрением. — Правду? Какую правду?

— Ну... — растерялся Данила. — Об Иисусе. О вашей сестре...

— Вы отдаете себе отчет в том, как это будет воспринято?! — оборвал его Марк.

— Но если это правда?.. — удивленно протянул Данила.

— Вы наивны или глупы, Данила?! — прорычал Марк. — Правда! Что за дурацкое слово! В мире царствуют — слабость и зависть! Кому, как не вам, Данила, знать это! Люди, сколь бы они ни были глупы, хотят быть выше всех! Они эгоистичны и пекутся только о своем благе!

Вспомните тайны Печатей! Вспомните! И кому в таком мире нужна правда ?! Кому?! Правда, которая откроет людям их грехи, пороки и слабости, истинное лицо! Да они распнут ее! Понимаете вы это?! Они распнут Марию! Распнут!!!

Лицо Марка исказилось. Глаза чуть не выкатились из орбит. Брови выгнулись, как два крыла пикирующей вниз птицы. Губы дрожали.

Срываясь на крик, Марк тряс перед собой сжатыми кулаками. Потом вдруг резко вытянул руки вдоль туловища, весь выпрямился, как выстрелившая пружина, и на негнущихся ногах вылетел из комнаты. Дверь с грохотом закрылась.

Потянулись долгие дни лечения. Врач регулярно осматривал Данилу, давал какие-то лекарства и делал перевязки. Мария заходила каждый день, как всегда в сопровождении благородной Анны. Они немного разговаривали о разных вещах.

В основном Мария расспрашивала Данилу о его прежней жизни — о городе, в котором он жил, чем он занимался и как проводил время. Когда Данила обмолвился, что был на войне, Мария расплакалась: «Это я виновата! Я!.. Прости меня, пожалуйста! Прости!»

«Нет, что ты! Это не ты! — сказал Данила. — Это люди...»

В эту же секунду Анна схватила Марию за руку, резко потянула к себе и вывела ее из комнаты. «Мария, мы сегодня еще не прочли Евангелие от Иосифа...» — грозно прошептала Анна.

Уже несколько дней как врач разрешил Даниле подниматься с постели и ходить, опираясь на палку. Данила попросил у Марка, чтобы ему разрешили спускаться в сад. И ему разрешили. Разумеется, в присутствии сопровождающего.

Чувствовать себя постоянно запертым в четырех стенах было невыносимо. И хотя сад можно было назвать «садом» только с большой натяжкой, там, по крайней мере, были хоть какие-то живые растения и подобие неба, которое при желании можно было разглядеть сквозь темную крышу атриума.

В этот раз в саду прогуливалась Мария. Благородная Анна сидела на скамейке неподалеку и следила за каждым ее шагом.

— Данила, — учтиво сказала Мария и поклонилась.

— Блаженная Святая Мария, — согласно установленному ритуалу поздоровался с ней Данила.

— Ваша нога больше не болит? — спросила Мария.

— Нет. Не болит, — ответил Данила, вглядываясь в ее почти каменное лицо. — Чуть-чуть.

— Я чувствую свою вину, что с вами это случилось, — сказала Мария. — Простите меня.

Мария говорила это постоянно: «Я чувствую свою вину... Простите меня...» Данила сначала не знал, как на это реагировать. Ведь, например, с той же ногой — как Мария может мыть виновата в его травме? Но, поразмыслив, Данила придумал приемлемую для цензора Анны форму: «Я благодарен вам за ваше беспокойство, Блаженная Святая Мария».

— Я благодарен вам за ваше беспокойство, Блаженная Святая Мария, — привычно повторил Данила и постарался поскорее перевести разговор на другую тему: — А что вы делаете сейчас, Блаженная Святая Мария?

— Я разговариваю с растениями, — ответила Мария.

— Разговариваешь с растениями? — переспросил Данила, вспоминая, как в тот день, когда он упал с балкона террасы, Мария шепталась с кронами деревьев.

— Да.

— А что ты им говоришь?

— Я обещаю им, что буду продолжать заботиться о них, — ответила Мария.

— Как? — не понял Данила. — Ты их поливаешь?

Легкая тень недоумения скользнула по лицу Марии.

— Я обещаю им, что буду больше плакать, — серьезно сказала она.

Данила вопросительно уставился на Марию.

— Я обещаю им, что буду плакать, — продолжала Мария. — Я должна плакать, чтобы защитить всех от гнева Господнего. А еще я разговариваю с камнями. Но им я говорю другое. Они спрашивают меня, буду ли я плакать и за них. Но им я говорю, что нет. Камням и так очень повезло, ибо они мертвы, а потому их не ожидает ни смерть, ни Страшный Суд. Им не грозит гнев Господень. Я не буду плакать за них, только за живых. Живые нуждаются в моей защите и моих слезах...

Данила смотрел на Марию, слушал эти ее слова — «я должна плакать, чтобы защитить», «очень повезло, ибо они мертвы», — слушал и едва сдерживался, чтобы самому не расплакаться. Он словно в первый раз ее увидел. Она — абсолютный ребенок... Абсолютный ребенок! Ей уже больше двадцати, но она выглядит и говорит как пятилетний ребенок. Данила, кажется, только в эту секунду понял, что перед ним не женщина, а маленькая, совсем маленькая девочка.

— А еще я говорю растениям, — продолжала Мария, — что, когда я умру, о них будет заботиться моя дочка. Она тоже будет плакать, чтобы защитить их. Господь говорит, что мы должны любить всех. А любовь — это боль и страдания. И если я буду плакать, то не будет войн, не будет насилия, не будет гнева Господнего. Надо проявлять любовь и заботу. Вы научите этому мою дочь, Данила? Ведь правда вы научите ее, когда я умру? Мне сказали, что вы будете оберегать мою дочь, заботиться о ней и помогать ей плакать. Как можно больше... Как можно больше...

— Мария... — прошептал Данила, глотая слезы и борясь с собственным оцепенением. — Мария...

— Блаженная Святая Мария уходит, — раздалось откуда-то сбоку.

Анна схватила Марию за руку и потащила ее за собой.

— Мария! — крикнул Данила ей вслед и попытался догнать, но больные ноги не слушались. — Мария, любовь — это не боль и страдания! Любовь — это другое! Нет, Мария! Слышишь меня?! Это другое!

Анна повернула голову и, не сбавляя шага, посмотрела через плечо на Данилу. Ее лицо было искажено судорогой, и в этом страшном лицевом спазме было все — и ненависть, и презрение, и злоба, и ожесточение. Но если бы раньше это остановило Данилу, испугало, то теперь — нет. Он больше не будет терпеть! Он больше не будет молчать!

— Вы не можете так поступать с нею! — кричал Данила, все еще пытаясь бежать на негнущихся ногах. — Прекратите ей врать! Вы не имеете права!

Несколько человек в черных одеждах тут же появились из-за уступов и колонн атриума и словно свора разъяренных псов бросились к Даниле. Только что он говорил с Марией. А за их разговором следили десятки пар глаз и ушей!

— Любовь — это не боль и страдания! — закричал Данила вслед убегающим женщинам. — Прекратите ей врать! Забота — это не слезы, нет! Прекратите! Как же вы можете?! Как?!

Ощущая свое полное бессилие, невозможность что-либо изменить, Данила упал на колени, закрыл лицо руками и застонал — с болью, с льющейся через край, душераздирающей болью... Его крик глухим эхом толкнул своды зданий, подался вверх, к стеклянному куполу атриума, но и там не смог освободиться. Крик души, застрявший в консервной банке.

— Любовь — это не боль и страдание! Уже ничего более Данила не слышал и не видел вокруг себя — ни бегущих к нему охранников, ни исчезающую за дверьми Анну с Марией. Он

ничего не видел и не слышал, а только кричал, кричал, повторяя как молитву:

— Любовь — это другое! Удар тяжелым предметом по голове заставил его замолчать.

Часть третья

Глубокая ночь. Невыносимо жарко. Тяжелая, изматывающая духота. Голова раскалывается от нестерпимой боли.

Данила оглянулся. Узкая улочка. Приземистые здания. Древняя Иудея...

Впереди, там, где улица поднимается вверх и поворачивает, замаячили какие-то тени. Это была целая группа людей — человек семь или восемь. Они оживленно шептались с заговорщицким видом и вдруг, словно по команде, выдвинулись Даниле навстречу.

— Нет, Иуда! — услышал Данила знакомый голос. — Мы должны решить это сегодня. Сегодня! После того, что Иосия устроил днем в Храме, ждать больше нельзя! Нельзя!

Это говорил ученик Иосии — Петр! Данила узнал его. Снова они. Не может быть...

— Не знаю, Петр. Не знаю, — пробурчал Иуда. — Не понять мне, что он сам говорит о своей смерти...

Иуда Кариот поравнялся с Данилой и, не заметив его в темноте, сильно толкнул плечом, оглянулся.

— Римлянин?.. — прошептал Иуда Кариот, изумленно глядя на Данилу. — Ты ли это?! Неужели ты остался в живых?!

Остальные тут же остановились и стали приглядываться.

— Да, это он! — шепотом закричал Петр, хватаясь за свою косматую бороду и нервно проводя по ней руками. — Это он! Силы небесные! Не может быть!

— Нет, точно! — испуганно прошептал кто-то третий.

— Что за римлянин? — спросил четвертый. — Друг или враг?

— Друг или враг?.. — задумчиво повторил Иуда, погрузившись в глубокое раздумье. — Друг или враг...

— Ну? — буркнул четвертый. — Кто?

— Помолчи, Лазарь! — огрызнулся на него Петр. — Видишь, Иуда думает!

Воцарилась тишина. Данила, не понимая, что происходит, с ужасом смотрел на толпящихся вокруг него людей. Секунды тягостной, напряженной тишины показались ему вечностью.

И вот Иуда подступил к нему близко-близко, выгнулся так, чтобы смотреть на Данилу снизу вверх, и елеинно пропел:

— Пойдем с нами, римлянин... — злыми, прыгающими глазами Иуда буквально разрезал Данилу на части и еще через пару секунд добавил: — Нам ведь есть о чем поговорить, правда?

Данила отрицательно помотал головой. Это получилось как-то само собой, спонтанно.

Тут же двое, не сговариваясь, взяли Данилу под руки и поволокли вниз по улице.

— Ты мне скажи честно, — грубо, словно вместо глотки у него была старая водосточная труба, шепнул ему на ухо Иуда, — ты ведь не умер тогда, да? Не умер?

Данила повернул к нему голову. Растрепанные волосы, косматые брови, синяки под глазами. борода и усы прятали в зловонном рту Иуды несколько уцелевших зубов. Но больше всего Данилу потрясли глаза. Масляные глаза Иуды горели как у сумасшедшего — не то от ужаса, не то от возбуждения.

— Почему ты сказал тогда Иоанну, что Иосия — Бог? — продолжал шептать он на ухо Даниле, обдавая его едким запахом прогорклого масла. — Я у него выведал. Он мне сам признался, что ты такое говорил...

— Говорил, — кивнул головой Данила.

— А откуда ты знаешь? Не потому же, что он тебя воскресил, ведь так? — Иуда пытливо

прищурил один глаз. — Тебя ведь потом... того. Да? Ты не умирал, так?

— Что ты спрашиваешь у него? — встрял в разговор Лазарь. — Если бы Иосия мог оживлять мертвых, зачем бы тогда мы устраивали все это представление с моей смертью и воскрешением?!

— Просто я должен все выпросить у него, Лазарь! — огрызнулся Иуда. — Не мешай! Римлянин, — снова обратился он к Даниле, — почему ты назвал Иосию — Иудейского Царя — Богом? Ты смеялся? Лукавил? Издевался над нами? Скажи — так?

— Нет, — прошептал Данила, чувствуя животом какой-то звериный ужас от этих вопросов.

— Может, тогда ты больной? — не отставал Иуда. — Какой еще римлянин может назвать Иудейского Царя Богом?.. И почему Иосия сказал про тебя, что ты знаешь тайну его смерти и смеха? Отчего он умрет, римлянин? Скажи мне. Когда это будет? И отчего мы будем смеяться? От радости ли, что он умер?

— Иуда, ты считаешь его пророком? — недовольно покосился на него один из тех, кто вел Данилу, держа под руку.

— Я просто расспрашиваю его, Варфоломей, — притворно заискивающим тоном пропел ему в ответ Иуда. — Могу я поговорить с римлянином?

— Можешь, можешь! — недовольно пробормотал Варфоломей.

— Ну так ответь же, добрый римлянин... — продолжал Иуда. — Скажи нам. Мы все добрые люди и любим Иосию. Скажи: будем ли мы смеяться от радости, когда он умрет?

— Куда вы меня ведете? — Данила, до сих пор пребывавший в растерянности, почувствовал вдруг какую-то поднимающуюся в нем силу.

— А ты ответь, и я скажу... — прохихикал Иуда. — Мы будем смеяться от радости, когда Иосия умрет, или как?

— Когда он умрет, ты наложишь на себя руки, — ответил Данила, не отводя глаз. Он буквально проткнул взглядом бегающие, словно шарики-раскидайки, глаза Иуды.

— А! — воскликнул тот словно от внезапной боли, оступился и чуть не упал.

Все же, как будто бы не заметив этого, продолжали идти дальше.

— Любишь ты мистику, Иуда! — рассмеялся Варфоломей. — Допытываешься там, где не надо! Вот и получил по заслугам. Этот римлянин, видно, большой шутник! Поболтаю с ним, пока вы будете лясы точить! Не все же нам быть в рабстве у римлян, пусть и они узнают, каково это! Сейчас все переменится... Пусть привыкает.

Поплутав по узким извилистым улочкам, группа, в которой невольно оказался Данила, дошла наконец до большого дома. Даже снаружи, несмотря на отсутствие каких-либо вывесок, он производил впечатление некоего учреждения или места общественных собраний.

Иуда постучал в дверь. Им отперли и без особых расспросов — Иуде достаточно было назвать свое имя — пропустили вовнутрь.

Помещение освещалось тусклыми лампадами. Здесь было много людей, по всей видимости разных сословий. Одни что-то оживленно обсуждали друг с другом, горячились, о чем-то спорили. Другие, напротив, стояли в глубокой задумчивости, словно в забытьи. Третьи, чего-то ожидая, нервно ходили взад-вперед. Все очень суетно, истерично.

Создавалось впечатление, что это какой-то революционный штаб, ведущий подготовку к финальному сражению — насильственному захвату власти. То и дело кто-то из толпившихся здесь людей поднимался на второй этаж, а кто-то бегом спускался оттуда и стремглав покидал дом, захватив с собой еще нескольких человек.

Иуда и Петр, а также еще трое из тех, что пришли вместе с Данилой, поднялись наверх. Самого Данилу усадили на небольшую скамью. Варфоломей уселся рядом. Двое других

сопровождающих, чьи имен Данила не знал, остались стоять.

— Иосия здесь? — тихо спросил Данила. Варфоломей посмотрел на него как на умалишенного.

— Иосия?.. — протянул он. — Здесь?! Нет.

— А что здесь происходит? — Данила кивнул головой в сторону спящих туда-сюда людей. — Это какой-то заговор?

— Ты лазутчик, что ли? — нахмурился Варфоломей. — Или дурак?

— Просто хочу понять, — спокойно ответил Данила.

— Любопытный, значит, — решил собеседник и слегка успокоился. — Оно и видно... Не заговор. Просто у избранного народа есть Царь. И им должен править он — Царь Иудейский, а не римляне. Зачем вы здесь?

— Мы? — не понял Данила, но через секунду сообразил, что его принимают за римлянина. — Ах да... Римляне. Прокуратор Иудеи Понтий Пилат...

— Знаешь его? — снова нахмурился Варфоломей.

— Знаю... — задумчиво произнес Данила.

— Ба! — воскликнул Варфоломей. — Так это то, что нам нужно!

И тут только Данила понял, что Варфоломей спрашивал его о реальном человеке, а Данила ответил — «знаю», думая о Понтии Пилате как об историческом лице.

— Не в том смысле! — спохватился Данила.

Но уже было поздно. Варфоломей вскочил с места и побежал наверх. Через секунду там поднялся какой-то шум, послышался топот.

— Сюда его! — крикнул Варфоломей, выглянув на лестницу со второго этажа.

Два человека, что стояли рядом с Данилой, схватили его под руки и потащили наверх.

На втором этаже проходило странное совещание. На подушках вокруг большого, но невысокого стола сидели насупленные старики. Судя по их одеждам, это были священники или служители какого-то культа. Просторные дорогие кафтаны, украшенные затейливым орнаментом. На головах, несмотря на жару, что-то наподобие чадры — увесистые шапки из аккуратно сплетенных друг с другом слоев тонкой ткани.

«Фарисеи и книжники? — мелькнуло в сознании Данилы. — Заседание синедриона?!»

Перед священнослужителями расположились Иуда, Петр, Лазарь и остальные. Данилу ввели и оставили стоять перед собранием.

— Он знает! Знает Пилата! — кричал Варфоломей.

Иуда искоса, внимательным, испуганным, испытывающим взглядом смотрел на Данилу и молчал.

— Если этот римлянин знает Пилата, он сможет его уговорить! — восклицал Петр.

— Пилат никогда на это не пойдет, — возражал один из фарисеев. — Он же понимает, чем обернется для него казнь изгнанного Царя Израиля! Он не захочет волнений. Мы собираемся поднять израильский народ на восстание, говоря: «Римляне убили вашего Царя! Отомстите за его кровь!» Но неужели Понтий Пилат не понимает этого?! Неужели вы думаете, что он своими руками подпишет свой смертный приговор?..

— Но этот римлянин может объяснить Пилату, что против правления прокуратора готовится страшный заговор! — настаивал Петр. — И тогда Пилату придется казнить Иосию! Нужно его напугать! Пусть он боится восстания за Царя, арестует и казнит его, и тогда, после кровожадной казни Иосии, мы сможем поднять народ на восстание против римлян. И тогда все получится!

У Данилы все внутри похолодело. Как будто его внутренности резким движением

выдернули из тела и бросили в сосуд с жидким азотом.

Они обсуждают, как предать Христа смерти, ради какого-то мифического трона?! Все вместе?! Ученики и фарисеи?!

— Хорошо. Но допустим, что Пилат арестовывает Иосию, что тот ему скажет? — задумчиво произнес другой фарисей. — Иосия получил наши предложения? Вы их передали?

— Получил, — сказал Лазарь, и уже по тому, как он это сказал, стало понятно, что эти предложения были отвергнуты.

— И что говорит Иосия? — все же уточнил фарисей.

— Да ничего он не говорит толком! — досадливо хмыкнул Петр. — Говорит, что «будет, как сказано». А что сказано? Когда сказано? Не добьешься!

— Но что он говорил-то про это «сказано»? — вклинился в разговор еще один из стариков.

— Да всю свою обычную ерунду эту — про смех, про радость... Сил нет больше слушать! — посетовал Петр. — Давайте уже примем решение! Вот этот римлянин, — он указал на Данилу пальцем. — Его же нам Бог послал! Это же понятно! Пусть он пойдет к Пилату и скажет ему, что Иосия готовит заговор! На что нам еще надеяться?! Если не сделать этого уже завтра, то все пропало! Разве мало того, что сегодня он расхохотался в Храме?! Это же позор! Позор! Дискредитация! Если все поймут, что он сумасшедший, то нам никогда не видать свободного Израиля с царем-иудеем во главе!

— И все-таки я не понимаю, — в полной растерянности замотал головой первый из фарисеев. — Такое хорошее предложение! Как можно было от него отказаться?! Вы все ему сказали?

— Все, — ответил Лазарь.

— Это бы ведь всех устроило! — не унимался старик. — Ему бы и жизнь сохранили, и отречься от царствования не пришлось. Просто три часа на кресте, и все! Может быть, даже меньше! Потерпеть каких-то пару часов да подыграть нам! А потом все — свободен! Он понимает, что он будет полностью свободен?

— Да, — ответил Лазарь.

— Мы выведем его из Иудеи, он сможет делать все, что ему заблагорассудится — хоть смеяться, хоть плакать! Абсолютная свобода! Вы говорили это ему?

— Говорили, — кивнул головой Петр. — Он только смеется...

Данила смотрел на всех этих людей и не мог поверить своим глазам. Ученики Иосии и фарисеи обсуждают, как им совместными усилиями избавиться от Христа. Поразительно! Он для них — только наследник трона, который смеется вместо того, чтобы кровью возвращать себе утраченную власть предков.

В памяти всплыли слова Марка: «Данила, а вы вообще верите, что на земле жил воплощенный Бог — из плоти и крови, с кишками и бронхами? Верите?.. Что Он вот так ходил по городским мостовым, беседовал с простыми смертными? Верите? Превращал воду в вино, излечивал болезни одним прикосновением рук, оживлял настоящих покойников? Понимаете — настоящих, не умирающих, не находящихся при смерти, а фактических. Трупы...»

Тогда после этих слов Марка Данила подумал, что это действительно невозможно. Как такое может быть?! Сама эта идея очеловечения оскверняет Бога. Не может быть, чтобы Бог вот так ходил по улицам, беседовал с простыми смертными и воскрешал покойников. Нет, у него не может быть «кишок и бронхов»! Нет! Это человек придумал Бога по своему образу и подобию, а не Бог человека! Тогда Данила представил себе Бога-человека и усомнился... Но сейчас, слушая этот жуткий, этот ужасный, этот чудовищный разговор, эти такие бессмысленные и такие жалкие планы о свержении римской власти в Иудее, все в его голове перевернулось. Не может быть, чтобы у Бога были «кишки и бронхи»?! А почему, собственно, нет?! Почему Богу нельзя

иметь кишки и бронхи?! Что в этом такого? Разве божественное, подлинно божественное можно чем-то осквернить или испачкать?!

Нет, Бог может ходить по земле! Он может заглядывать в глаза людей, может улыбаться, глядясь в наши души! Он может творить чудеса стократ более великие, чем превращение воды в вино или воскрешение мертвых! Он может преображать души, дарить свет! Он может любить! Да! Он может любить! Он даже может иметь детей, потому что дети — это плод любви! А Бог — это любовь! И пусть все эти мыслы — ужасное богохульство, мракобесие и ересь, но это так! Бог — это сила любви!

— Так позорить трон! — сокрушался старик. — И ведь он сыну его достанется. Не просто же так мы лишаем его трона... Я просто не понимаю, почему Иосия отказывается. Чего он хочет? Он ведь не собирается править?

— Он говорит: «В истинном царстве все цари», — тихо, словно бы про себя пробормотал Данила. — Но кто заслужил это царство?

Фарисеи и ученики Иосии разом повернулись и молча уставились на Данилу.

— Это не просто римлянин, — зловеще прошептал молчавший до сих пор Иуда. — Он знает, почему Иосия смеется. Он знает, что случится со мной, когда Иосия умрет. Он знает о смерти Иосии...

— Ты думаешь, он пророк и провидец? — вздрогнул один из фарисеев. — Иуда, ты в этом уверен?!

— Но коли так... — продолжал Иуда, даже не заметив адресованного ему вопроса, — он знает и другое — он знает, как умрет Иосия. Мы ли убьем его или Пилат... Пусть он нам и расскажет, а мы сделаем так, как выходит, согласно его словам!

Данила очнулся с чувством, словно бы кто-то держит его руками за горло и душит. Хватая ртом воздух, Данила прыжком вскочил на ноги и зашелся нервным сухим кашлем. Сон?! Это ему приснилось?! Уже в который раз! Где он был сейчас?.. Древняя Иудея?! Замок с Блаженной Святой Марией?.. Или, может быть, это тоже сон?

Что бы сказал на это Анхель? Как жаль, что его нет рядом...

— Это параллельные сновидения, — раздалось в голове Данилы.

— Анхель, ты?!

Сердце заколотилось сильно-сильно. Родной, знакомый голос... Голос друга! Данила огляделся по сторонам. Рядом с ним никого не было. Он стоял один — в длинном пустом коридоре, освещенном странным, похожим на молоко светом.

— Да.

— Где я, Анхель? — голос Данилы дрогнул.

— Тебя заперли в параллельных сновидениях.

— В параллельных сновидениях?! — Данила вспомнил, как когда-то Анхель рассказывал ему об этой страшной и губительной закольцованной реальности. — Это когда люди умирают?.. Застревают в параллельных сновидениях и не могут выйти?!

— Да.

— Черт! — воскликнул Данила.

Когда Анхель объяснял ему, что такое параллельные сновидения, он сказал: «Представь себе, что ты мучаешься бессонницей — час, два, три. А потом незаметно для себя засыпаешь, но тебе снится, что у тебя бессонница, что ты все так же лежишь в своей постели и не можешь заснуть — вертишься, крутишься и не засыпаешь. То есть ты вроде бы и заснул, но бессонница никуда не ушла. Реальность бодрствования и сновидения закольцевались. И вот примерно то же

самое может случиться и прямо в самом сновидении — ты засыпаешь, оказываешься в реальности какого-то сна, но параллельно с этим существуешь в реальности другого сна. И не можешь проснуться, потому что, вместо того чтобы выйти из реальности сна, ты ходишь из одного сна в другой — туда-сюда. И все. Как лабиринт с ложными выходами. Дальше — смерть».

— Анхель, а выход? — Данила пытался вспомнить, говорил ли ему Анхель что-то о выходе из параллельных сновидений. Но безуспешно, ничего на ум не приходило, словно какой-то провал в памяти. — Выход?!

— Должен быть один общий элемент. Найди его.

— Общий элемент... — Данила задумался, Стал напряженно перебирать фрагменты своих снов — замок, Иудея... Но на ум ничего не приходило. — Вы рядом? Вы следите?.. Вы знаете, что это?!

— Только ты можешь понять, что это за элемент. Мы видим происходящее снаружи, а он внутри.

— Понятно, — растерянно пробормотал Данила, все еще пытаясь найти этот заветный спасительный ключик, понять, что им может быть.

— Не знаю, насколько это тебе поможет, но Андрей говорит, что тебя дурачат.

— Дурачат? — не понял Данила.

— Да.

— Андрей рассказывал тебе о психологическом эффекте зеркала. Говорит, что это может помочь... — голос Анхеля становился все тише, все менее разборчивым.

— Психологический эффект зеркала? — засуетился Данила.

Соображать почему-то было очень трудно. Этот коридор. Этот белый свет. Странная слабость.

— Вспоминаешь? Торопись! Осталось мало времени... — голос уже почти не был слышен.

Андрей действительно что-то рассказывал Даниле об этом эффекте. «Зеркало отражает реальность. Но является ли оно само — реальностью? Да, безусловно. Но что мы знаем о ней — о реальности зеркала? Ничего. Мы видим лишь отражения. В этом и заключается эффект зеркала — присутствие отсутствующего. И психика человека — это, как пример, точно такое же зеркало. Мы ведь не видим психики человека, мы видим лишь мир, отраженный его психикой. Именно поэтому психология — самая сложная наука. Наука о реальности, которая не может быть воспринята органами чувств. Как ядерная физика. Сплошные домыслы, догадки, предположения. Но физике хотя бы помогает математика. А психологии... Существует реальность, которая проявляет себя только через другую реальность, оставаясь при этом нейтральной, неразличимой, отсутствующей».

— Эффект зеркала... — напряженно думал Данила. — Мы видим в зеркале только то, что в нем отражается. Мы видим только то, что отражается. Мы не видим зеркала! Так?!

— Мы не видим зеркала, — слабым эхом ответил голос и пропал.

— Но как это связано с параллельными сновидениями?! — закричал Данила.

Ответа не последовало. Данила оглянулся. За спиной у него стоял Марк.

— Вы нарушаете все наши договоренности, — жестко сказал Марк. — Вы напугали Марию! Какого черта, я вас спрашиваю?! Вам не совестно?! Она — несчастный человек! Самый несчастный из всех, что живут на этой грешной земле! Откуда в вас столько жестокости, чтобы так поступать с ней?!

— Во мне?.. — раздраженно протянул Данила, впервые думая о Марке как о части своего сновидения, а не как о реальном человеке. — Во мне столько жестокости? Марк, но я ли сделал

ее несчастной?! Или, может быть, все-таки вы?!

— А может быть, ее сделал несчастным Господь Бог? — Марк жег Данилу черными угольками глаз.

— Тот Господь, которого вы увидели в своем зеркале? — вырвалось у Данилы.

Мысли закрутились у него в голове бешеным водоворотом. Действительно, зеркало — психика человека и, главное, Бог — это существующие, но одновременно отсутствующие реальности! «Нейтральные, неразличимые, отсутствующие»! Они проявляют себя только через другую реальность. Что мы знаем о них? Ничего. Да! Мы ничего не знаем о Боге!

«Меня дурачат! Дурачат! — мысленно закричал Данила. — Марк пытается уверить меня в том, что Бог наказывает избранного человека за грехи всего человечества, что одна улыбка Марии способна вызвать войну и кровопролитие. А ученики Иосии и фарисеи из параллельного сна убеждают меня в том, что Бог и вовсе не Бог, а просто иудейский царь! Каждый видит в Нем то, что хочет или может видеть! Бог — это зеркало! Зеркало!»

Данила, потрясенный собственной догадкой, почувствовал вдруг прилив необыкновенной радости. Ему захотелось улыбнуться во весь рот от переполнявшего его счастья — это только сон!

Он улыбался... но у него не получалось! Данила приложил усилие, напряг мышцы лица, стал выдавливать из себя улыбку, но его лицо оставалось каменно-недвижимым! Он схватился руками за щеки и потянул их в разные стороны...

На глазах выступили слезы. Все.

— Вы это о чем?.. — Марк дрогнул, глядя на усилия Данилы и, видимо, все еще прокручивал в голове его вопрос. — О каком зеркале вы говорите, Данила?! Об этом?!

Тут Марк резко подошел к стене, повернул но часовой стрелке какую-то малозаметную деталь декора, украшающего залу. Стеновая панель ушла вглубь, а на ее месте появилось зеркало.

— Про это?! — Марк ткнул в него пальцем.

Данила автоматически повернул голову и столкнулся лицом к лицу со своим отражением. Из зеркала на него смотрел настоящий старик! Мертвые печальные глаза, страдальческое выражение лица, множество кожных складок на лбу и мешки под глазами, втянувшиеся как у мертвеца щеки, заострившийся нос, утончившиеся и провалившиеся внутрь губы...

— Это?! — зловеще прошептал Марк.

— Нет... Это не мое лицо...

— Нет, ваше! Ваше, Данила! Ваше! — выпалил Марк, и по его лицу побежала слабая судорога. — Вы так ничего и не поняли! Вы уже не принадлежите себе. Нет! Вы узнали истину о Боге! Вам открылась тайна завета между Богом и избранным родом! Вы — будущий отец ребенка Марии. Вы — хранитель!

— Я... я... — Данила не мог прийти в себя, глядя на то чудовище, которое смотрело на него из зеркала. — Я не буду отцом ее ребенка. Я не допущу! Это все ложь. Вы лжете или сами обманываетесь! Я не буду в этом участвовать! Я не буду множить страдание! То, что вы рассказываете Марии о Боге, — это неправда. Он был не такой...

— «Он был не такой»?.. — расхохотался Марк.

Но поскольку губы его оставались неподвижными, смех Марка звучал как пугающий, вводящий в оцепенение рык.

— Что значит «был»? — продолжал рычать Марк, хватаясь руками за живот и откидываясь назад всем корпусом. — Что значит «был»?! Его что, убили?! Может быть, Его распяли?! Да, Данила, распяли?! — Марк «веселился» все сильнее и сильнее. — А потом Он воскрес, да?! Фокусник такой! Надо было напугать всех своей кончиной, чтобы потом вернуться живым и

здоровым, как ни в чем не бывало! Прекрасный план! Цирковое выступление!

— Прекратите, — тихо, сквозь зубы прошептал Данила. — Прекратите это! Да, Он приходил. Он был среди людей. И Он не плакал, Он смеялся, Марк. Он смеялся!

— Да что вы говорите! — с наигранным изумлением воскликнул Марк. — Он смеялся?.. Как интересно! Это вы увидели в своем зеркале, да?!

И Марк снова ткнул пальцем в зеркало. И Данила снова увидел себя — изуродованного гримасой страдания и муки, с образом смерти на своем лице.

— А я разве не предупреждал вас? — шептал Марк, подойдя близко-близко к замершему у зеркала Даниле. — Разве не говорил вам, что всякого, кто принимает на себя обет горести и страдания, искушает Дьявол? Разве не говорил я вам, что Дьявол будет искушать вас видениями смеющегося Христа?! Говорил! И что же?! Что?!

— Я запутался... Я совершенно запутался... — шептал Данила, теряя всякую способность думать и сопротивляться этому страшному напору Марка. — Я не знаю... Отстаньте от меня, Марк. Я не могу... Отстаньте... Блаженны щедрые душой, — забормотал себе под нос Данила, — ибо в них есть сила великой радости. Блаженны смеющиеся, ибо они освещают землю и питают сердца. Блаженны кроткие, ибо их улыбки смягчают ожесточение...

— Вы должны выполнить свою миссию! — продолжал Марк, тяжело дыша Даниле в ухо. — Прекратите юродствовать! Вы вступили на дорогу, с которой уже не сможете сойти. Вы будете оберегать мир. Мария ждет от вас ребенка...

— Что?! — Даниле показалось, что он ослышался. — Как?!

В ужасе он поднял глаза. В зеркале, прямо рядом с собой, на том месте, где только что стоял приблизившийся к нему вплотную Марк, Данила увидел черта. Точь-в-точь такого, какими украшены в этом замке все стены, колонны и потолки.

Данила повернул голову вбок и увидел Марка. Его наружность ничуть не изменилась. Показалось? Привиделось? Галлюцинация?

— Зеркала не существует, — сказал Марк, глядя Даниле в глаза. — Ты видишь там только то, что сам проецируешь на свое зеркало...

— А то, что я услышал?.. — одними губами прошептал Данила.

— Все правильно услышал. Мария беременна. Она носит твоего ребенка...

Данила непонимающе смотрел на Марка. Он смотрел в его странные, особенные глаза. Такие, как у Марии... Такие, какими они будут у его дочери... Глаза Иосии...

Данила смотрел и смотрел в эти странные, особенные глаза Марка — сухие, пустые, тлеющие. И ему казалось, что ничего вокруг больше нет. Только эти глаза — большие, с особенным разрезом. Глаза представителей великого рода. Избранных. Не в силах больше держать этот тяжелый, мертвецкий взгляд. Данила моргнул, зажмурился и, выждав секунду-другую, снова посмотрел перед собой. Это были все те же глаза...

Только совершенно другой взгляд. Совсем другой! В ужасе от такой странной, такой разительной перемены Данила даже чуть подался назад, отпрянул. И увидел...

Просторная зала. Высокие колонны. Мозаика. Фрески. Много света, который буквально лился внутрь помещения, будто бы солнца на улице было столько, что от избытка ему обязательно нужно было куда-нибудь проникнуть. Льющееся через край...

Много солнца. Данила огляделся. Тут рядом был только один человек. И только эти глаза... Иосия.

— Иосия... — прошептал, Данила.

Иосия в ответ только улыбнулся — тихой завораживающей улыбкой, полной внутреннего

света и какой-то особенной, одаряющей силы.

— Я сам с ним поговорю! — раздалось со стороны террасы. — Это просто безумие какое-то! Я сам во всем разберусь! Оставьте нас одних!

И тут же на пороге залы, где на скамьях сидели Иосия и Данила, появился высокий статный мужчина средних лет. Красная туника подпоясана золотой цепью, золотая брошь сверкает на его правом плече.

«Понтий Пилат!» — пронеслось в голове Данилы.

— Царь Иудейский! — досадливо крикнул мужчина, заведя Иосию. — Собрался меня свергать?! А где твоя армия?!

Иосия рассмеялся — весело, заразительно, особенным, присущим лишь ему одному, располагающим — смехом.

— Видимо, вот моя армия! — сказал Иосия и показал на Данилу.

— Хороший воин! — усмехнулся Пилат, бросив безразличный взгляд на Данилу и тут же внимательно уставившись на Иосию. — Это все?..

— Все! — уверенно и весело ответил Иосия.

— А мне докладывали, что за тобой толпами люди ходят... — Пилат слегка склонил голову набок и снова смерил Иосию недоверчивым привычно-хозяйским взглядом.

— Я учу людей радости, — улыбнулся Иосия. — Может быть, поэтому они и ходят за мной толпами.

— А мне докладывали, что они видят в тебе Царя Иудейского, сокрушителя моей власти... — Пилат прошелся по зале и сел на мраморную скамью с большими цветастыми подушками.

— Если смех способен сокрушить твою власть, прокуратор, я думаю, они правы, — рассмеялся Иосия и пожал плечами. — Но если смех — оружие для этих целей неподходящее, то тебе, прокуратор, бояться нечего.

— Да, про то, что ты учишь, мне тоже докладывали. — Пилат небрежно откинулся на подушку и, улыбаясь, внимательно смотрел на Иосию. — Расскажи и мне, Смеющийся Царь...

Иосия снова пожал плечами:

— Что я могу сказать тебе, прокуратор? Что нет неба и нет земли, а потому нет ни тех, кто царствует на земле, ни тех, кто царствует на небе?.. Я думаю, ты знаешь это. Это известно всякому, кто смотрит на мир непредвзято...

— Первый раз вижу Иудейского Царя, который отрицает Царей и Богов, — сощурился Пилат и закачал головой, демонстрируя тем самым свое полное расположение собеседнику. — Ты прямо как наши последователи философа Пиррона! Всякое утверждение бессмысленно, потому что на всякий тезис найдется и антитезис. А коли нет истины, то нет и цели, а если нет цели, то и идти бессмысленно. Да, трудно судить тебя по обвинению в заговоре, коли так...

Повисла долгая пауза. Пилат смотрел куда-то в сторону, мял подушку, которую теперь положил себе на колени, и хмурил брови.

— А ты что скажешь? — сказал вдруг Пилат, обратившись к Даниле. — Что знаешь?

— Сердце Данилы забилося быстро-быстро.

Подскочило вверх к самому горлу и колотилось, словно у пойманной в силки малой птахи.

Что, если это не сон, а какая-то коллизия времени? Что, если все это правда? Что, если именно сейчас, здесь решается — какой быть истории на несколько тысячелетий вперед? Что, если от одного ответа Данилы действительно зависит будущее мира? Жертвы христиан на аренах Рима... Падение Римской империи... Крестовые походы... Крещение языческой Руси... Костры священной инквизиции... Варфоломеевская ночь... Самосожжение старообрядцев... Войны с исламскими государствами... Миссионеры, отправляющиеся к диким племенам... Что,

если все это решается сейчас, в этой залитой солнцем зале?

— Ну, неулыбчивый человек?.. — Пилат повернулся к Даниле и поднял одну бровь. — Будешь говорить?

— Я... — начал Данила. — Я знаю, что Иосия не хочет власти. Власть — это грех. Ведь стремление к ней — проявление слабости, а обретение власти — это обретение горя.

— Но почему ты думаешь, что Иосия не хочет власти? — усомнился Пилат. — Вдруг он обманывает меня?

— Он учит радости, — ответил Данила. — А вот у тебя, прокуратор, власть. И сам скажи мне, много ли в ней радости?

— Нет, ты прав, — согласился Пилат. — Немного. Но, может быть, у него просто личный интерес к власти?

— Кто печется о себе и о своих интересах, тот боится, — продолжал Данила, чувствуя, что его до того срывавшийся сдавленный голос постепенно становится спокойным и уверенным. — Ведь, если ты эгоистичен, ты боишься потерять то, что имеешь. А кто боится, тот не может смеяться так, как умеет Иосия...

— Ну, допустим... — задумчиво согласился Пилат. — Но, может быть, он, как всякий наследник трона, чувствует в себе призвание получить это «наследство»?

— Но смог бы Иосия смеяться, как он смеется, если бы хотел быть тем, кем он не является? Можно ли быть счастливым, если ты не тот, кто ты есть?

— Нет, нельзя. Это правда. — Пилат откинул он себя подушку. — Но ведь на него давят, так?

— Да, на Иосию давят, — тихо прошептал Данила. — Народ жаждет освобождения. И люди ждут, что их Царь даст им эту свободу.

— А если давят на него, так, может быть, нет в нем силы отказать? — предположил Пилат. — Может быть, он без интереса и без желания, но из чувства обязательства перед другими идет на свержение власти римского цезаря и его прокуратора? Не по доброй воле, но по принуждению?

— Видел ли ты, Пилат, — спросил Данила, — как смеется человек, который действует по принуждению?

— Нет, не видел, — Пилат отрицательно покачал головой. — Так, значит, Иосия не участвует в заговоре? Странно все это. Лидер заговорщиков не участвует в заговоре...

Данила молча смотрел на Пилата. Было видно, что тот колеблется. Разумеется, одного взгляда на Иосию достаточно, чтобы понять — перед тобой не политическая фигура, перед тобой даже не человек, а существо высшего ранга — блаженный, счастливый Человек, исполненный радости и внутренней благодати. Это так... Но то, что творилось в последние дни за пределами резиденции Пилата, — а Иерусалим буквально кипел предстоящим бунтом — вызывало в прокураторе совсем другие чувства.

— Трудно представить себе народ, — тихо, но уверенно заговорил Данила, — который, находясь под игом, не желал бы от него освободиться. И конечно, такой народ нуждается в знамени, ему нужен символ его освобождения, лидер, олицетворяющий собой новую, свободную жизнь. Именно такого человека, насколько я понимаю, иудеи видят в Иосии. Но он не такой...

— Не такой? — улыбнулся Пилат. — А разве это кого-то остановит? Да, Иосия не такой, как я вижу. Он куда ближе к богам, чем к смертным. Зачем ему царство?.. Это правда. Но если народу действительно нужен символ освобождения, то какое все это имеет значение? Не важно, как Иосия относится к той миссии, которую ему предлагают. Живой или мертвый, согласный или не соглашающийся, он на нее подходит. И даже если он не Царь, а самозванец — и это не имеет никакого значения. Если людям хочется во что-то верить, они будут верить в это, потому

что, видимо, им так удобно, им так хорошо, им это выгодно. А все остальное... Пустое. Ты понимаешь меня, единственный воин Иосии?..

Даниле физически стало дурно. Пилат прав!

И он говорит об эффекте зеркала! Иосия — зеркало. Каждый видит в нем то, что ему самому нужно. Но кто знает самого Иосию?! Знает ли его Данила?! Что вообще он знает о нем — об этом улыбающемся человеке, сидящем напротив?..

Только что Марк издевался над Данилой, цитируя его слова о Христе: «Да что вы говорите! Он смеялся?.. Как интересно! Это вы увидели в своем зеркале, да?!» И правильно издевался — Марк просто вернул Даниле его собственное высказывание. А что на самом деле Данила может знать об Иисусе Христе?! Данила видит смех Иосии, и в эту секунду ему кажется, что так бесстрашно и счастливо может смеяться только Бог. А Марк в отличие от Данилы верит в великого Бога без «кишок и бронхов». Потому Христос для него — только пророк, избранник, но не Бог. «Бог обрек Иисуса на страдания, которыми тот искупает грехи всего человечества», — вот что думает Марк. Он верит в слезы Христа, и верит истово.

А современники Иосии — здесь, в Иудее — видят в нем своего царя, потомка Авраама и Давида, наследника иерусалимского трона. Их расстраивает только то, что их царь «сумасшедший». Но... бывает. И если сказать им, что Иосия — Бог, они только рассмеются в ответ. Только рассмеются. И наконец, вот Пилат... Он говорит: «Какая разница, кто этот человек — Иосия? И человек ли он вообще — какая разница? Он нужен как предмет. Его воля, его желания, его чувства не имеют никакого значения. Он — ничто».

Королевство кривых зеркал!

— Иосия! — взмолился Данила, понимая, что еще чуть-чуть, и ни его сердце, ни его разум не выдержат. — Скажи мне, кто ты?

Их глаза встретились.

— Ты знаешь... — улыбнулся Иосия.

— Данила, очнись! — раздался исполненный яростью голос Марка. — Очнись!

— Что? — Данила непонимающе оглядывался по сторонам. — Что?!

Он снова здесь — в замке Марка. Нет ни Иосии, ни Пилата.

— Мария отказывается плакать! — орал Марк. — Насильно сдерживает себя! Понимаешь ты?! Она не плачет!

— И что с того?.. — Данила все еще не мог понять, что происходит и что так разозлило Марка.

— Она не плачет!!! — орал Марк.

— Это хорошо, — ответил Данила и закрыл глаза, проваливаясь в прежнее сновидение.

— Данила, ты должен все объяснить ей! И объяснить правильно! Не закрывай глаза! — Марк был в бешенстве.

— Что я должен ей объяснить?

Данила все еще не мог прийти в себя. Одной своей частью он продолжал быть там — с Иосией, в древней Иудее, во дворце ее прокуратора — Понтия Пилата. И ему хотелось быть там, а не здесь, не в этом замке, где царствует безумие. Он хотел сидеть на той залитой светом террасе и видеть перед собой тех двух странных и особенных людей — Иосию, чьи глаза всегда улыбаются, и Понтия Пилата, чье страдание вдруг стало ему таким понятным...

— Она из-за тебя не плачет! Из-за твоих слов! — Марк схватил Данилу за плечи и начал трясти словно грушу. — Она требует объяснений! Она перестала мне подчиняться! Она слушалась меня! Впервые! Такого никогда не было раньше!

— Очень хорошо, — ответил Данила и снова закрыл глаза.

— Сволочь! Проклятая сволочь! — Марк заорал с такой силой, что у Данилы заложило уши. — Вставай! Ты должен объяснить ей, что ты не то имел в виду, что ты был не в себе, что ты — дурак! Ты должен ей это сказать! Ты не понимаешь?! Она перестала плакать!!!

— Марк, — Данила открыл глаза и безразлично уставился на него. — Ты знаешь, что ты мне только снишься? Ты сам это знаешь?

По лицу Марка побежала судорога. Гнев, ярость, остервенение — вот что было во всем его образе в эту минуту.

— Нет! — заорал он. — Это *то* тебе снится, а не я! Это тебя Дьявол искушает, Дьявол!

Он показывает тебе смеющегося Христа! Я говорил тебе! Говорил, что так будет!

— Если бы только видел его улыбку... — прошептал Данила, в который раз закрывая глаза. — Если бы ты только слышал его смех...

— Не спать! Не спать! — орал Марк. — Это Дьявол! Дьявол! Это искушение!

— Пусть... Но я хочу, чтобы он улыбался...

Данила снова был в Иудее. И как-то очень обрадовался этому. Сейчас он увидит Иосию...

Но что-то изменилось. Это была не та зала, где они встречались с Понтием Пилатом. С улицы доносились гневные крики толпы. Казалось, там собрались тысячи разъяренных людей! Происходило что-то страшное.

Данила сделал несколько нерешительных шагов по направлению к балкону. И тут заметил, что за тяжелой шторой, прячась, стоит прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Он выглядел растерянным, даже испуганным. Недоуменно оглядывался по сторонам, прислушивался к крикам огромной толпы, беснующейся на улице, делал бесцельные шаги — то в одну, то в другую сторону.

— Прокуратор... — тихо позвал Данила. Понтий Пилат нервно вскинул глаза:

— Кто здесь?!

— Это я... — начал было Данила.

— А... Ты... — с некоторым облегчением выдохнул Пилат и замолчал.

Он так и продолжал стоять рядом с балконом, по всей видимости не решаясь выйти к толпе.

— Боги Олимпа, неужели нет никакого решения?! — шептал прокуратор, порывисто хватаясь то за виски, то за подбородок, то дергая себя за волосы. — Должно же быть какое-то решение? Это же безумие! Безумие! Я не понимаю, что происходит! Я не понимаю... Кто потом сможет это объяснить? Как это возможно будет объяснить?.. Как объяснить, что случилось?.. Это невозможно!

— А что случилось? — шепотом спросил Данила. — Что происходит на улице?

— Пока мы разговаривали, синедрион объявил, что я — прокуратор Иудеи Понтий Пилат — приговорил Иосию к смертной казни — как Иудейского Царя. В городе начались волнения. Ко дворцу стекаются тысячи людей... Как по команде. Как по команде, — рассеянно повторял прокуратор.

— Черт! — воскликнул Данила. — Все правильно! Это часть их плана! Как же я не догадался сказать тебе об этом?! И что ты?

— Что я? — прокуратор как-то неуверенно пожал плечами. — Я объявил собравшемуся народу, что синедрион просил меня, чтобы я казнил Иосию как лжепророка. Это правда. Но они не признались...

Данила оцепенел от ужаса.

— И?..

— И я сказал, — продолжал бормотать Пилат, — что не нашел в Иосии никакой вины...

— И?.. — Данила чувствовал, как от дикого напряжения у него слабеют ноги.

— И... — прошептал прокуратор. — И тогда Иосия вышел к народу и сказал: «Говорите вы, что желаете мне жизни, а в сердцах ваших желаете вы мне смерти. Так и быть тому, ибо что творите вы, того не знаете, но чего хотите вы, то исполнится».

Пилат замолчал и как-то глупо, бессмысленно, остекленевшими глазами смотрел прямо перед собой.

— Что он сказал?.. — Данила через силу сглотнул, чувствуя, как невыносимо пересохло у него в горле. — «Что творите вы, того не знаете, но чего хотите вы, то исполнится»...

— Да... — Пилат поднял на Данилу глаза, полные боли. — Ты знаешь, что это значит?

— Зеркало... — прошептал Данила.

— Зеркало? — не понял Пилат, но, испугавшись самого звука этого слова, отшатнулся назад.

— Где он? — теперь Данила смотрел на Пилата остекленевшими глазами. — Где он?!

— Он... — Пилат, испуганно отступая в сторону, махнул рукой в сторону балкона.

Данила выдохнул и в три шага достиг выхода на балкон. Шум с улицы доносился невероятный. Казалось, там происходит что-то чудовищное...

Данила вышел на залитую солнцем площадку. К своему удивлению, он обнаружил, что люди не смотрели в сторону резиденции Понтия Пилата. Напротив, они смотрели в противоположную сторону! И шли туда — прочь от дворца! — Что происходит?.. — прошептал Данила. — Что происходит?! Где Иосия?!

И тут он направил свой взгляд в ту сторону, куда двигалась толпа.

По улице, уходящей от дворца, в окружении сотен людей — орущих, кричащих, плачущих, мечущихся — шел Иосия. Под крестом...

— Он сам? — Данила повернулся назад и смотрел в глубь темной залы, где прятался от толпы прокуратор Иудеи Понтий Пилат. — Он сам взял крест и пошел на Голгофу?!

Пилат показался в просвете между колоннами балкона. Данила не верил своим глазам — Пилат растерянно кивал головой в знак согласия.

Крики, вопли. Стоны и слезы людей. Обезумевшая толпа не понимала, кому верить. Синедрион обвинил прокуратора в том, что он приговорил к смерти наследника иудейского трона, потомка Авраама и Давида — Иосию. Прокуратор обвинил синедрион в том, что он признал Иосию лжепророком и сам потребовал от Пилата, чтобы тот казнил Иосию. Но, по его словам, он не нашел в узнике вины. И тогда Иосия, слыша все это, встал и сказал: «Говорите вы, что желаете мне жизни, а в сердцах ваших желаете вы мне смерти. Так и быть тому, ибо что творите вы, того не знаете, но чего хотите вы, то исполнится». А теперь он идет на Голгофу, сам неся на себе свой крест, потому что никто не пожелал быть причастным к его смерти.

Расталкивая людей, продираясь сквозь толпу, Данила рвался вперед, вверх по улице. — Иосия! Иосия! — повторял он, пытаясь разглядеть вдали его силуэт.

Но на дороге, ведущей к возвышению, прозванному Голгофой, творилось что-то невообразимое, не поддающееся никакому описанию.

Сотни, тысячи людей, настоящее людское море, запертое справа и слева приземистыми зданиями улицы, — кипело, как огненная лава, извергающаяся из жерла вулкана.

Выйти на соседние улицы было невозможно по той же самой причине: там происходило то же самое — настоящее дикое столпотворение с истошными криками, истерикой, слезами. Все хотели приблизиться и посмотреть на Иосию. Казалось, весь Иерусалим жаждал в эту минуту

оказаться на Голгофе. Да что Иерусалим... Вся Иудея!

Давка, паника, ужас. Преодолеть толпу было почти невозможно. Многие падали, а упав, уже не могли подняться. Люди напирали, кто-то был раздавлен толпой насмерть. Погибли чьи-то дети. И надрывные женские голоса, из отчаянного крика переходящие в скорбные бесчувственные причитания, извещали об этом небеса.

Каждый житель Иерусалим и каждый из тех, кто пришел в город в ожидании иудейского восстания против римлян, хотел стать свидетелем казни Иосии. Ведь еще никогда Иерусалим не видел ничего подобного! Преступников казнили часто. Но еще никогда человек не шел на лобное место по собственному желанию. И какой человек! Царь!

Данила приближался к Иосии — все ближе и ближе, — но силы были уже на исходе. Казалось, что он переплывает океан. Еще чуть-чуть, и упадет замертво, утонет в этом людском море. Слабость, невыносимая слабость... Продираться сквозь безумную, алчущую и испуганную толпу было сложнее, чем взбираться по отвесной скале.

— Что же это, Господи?! — шептал Данила, отталкивая и распихивая людей. — Что это?! Как такое может быть?! Почему?! Это надо остановить... Нужно что-то сделать... Зачем он пошел на Голгофу?! Зачем?!

И в эту секунду какой-то неведомой силой, словно рукой великана, Данилу и тех, кто стоял с ним рядом, откинуло к стене дома на левой стороне улицы. Это прорвались несколько десятков людей откуда-то справа.

Молодая женщина, оказавшаяся рядом с Данилой, ударила головой о каменную стену и потеряла сознание. Данила попытался подхватить ее, но безуспешно, человеческое море поглотило несчастную, словно ее и не было никогда. Смерть.

— Люди, что же вы делаете?! — шептал Данила. — Разве об этом говорил вам Иосия?! Он идет на смерть, чтобы открыть вам глаза! Но почему вы не откроете их сами?! Почему для этого вам нужно, чтобы кто-то умер?! Тот, кто учит вас радости?!

Но никто не слышал этих его слов. И никто в целом мире не смог бы найти ответа на его вопросы. Никто. Даже небеса. Они молчали. Полная тишина на фоне неистовых криков и безумствующего ора из тысяч человеческих голосов.

Данила нагнал Иосию, лишь когда тот уже поднялся на вершину смерти. У подножия Голгофы толпа в священном трепете остановилась. И лишь один Данила, прорвавшись сквозь ряды людей, спотыкаясь и падая, поднялся к Иосии, одиноко стоящему на горе, видом своим напоминающей череп.

— Ты пришел... — улыбнулся Иосия, увидев приближающегося к нему Данилу. — Мой воин.

— Я пришел, да... — едва переводя дыхание, ответил он. — Мы должны... Ты должен... Надо спасти... Прекратить это... Это неправильно...

— Поможешь мне, — улыбнулся Иосия, опираясь на крест.

— Да, да! — громким шепотом прокричал Данила. — Да, я помогу! Да!

— Вот... — Иосия показал на гвозди и молотки, лежавшие на склоне.

Сегодня на лобном месте должны были казнить другого человека — вора и убийцу Варраву. Но в возникшем хаосе о нем забыли. Однако же к его казни на лобном месте уже все было подготовлено — гвозди, молотки, веревки, чтобы поднять крест, вырытая под основание креста яма.

Данила удивленно уставился на Иосию:

— Что?

— Помоги мне... — улыбнулся Иосия, показывая на инструменты казни. — Мне будет

тяжело без тебя. Помоги.

— Нет, нет... — прошептал Данила, инстинктивно отступая назад и качая головой из стороны в сторону. — Нет, нет... Это невозможно. Нельзя... Нет.

— В жизни каждого человека есть вещи, которые он должен сделать, — рассмеялся Иосия. — Это то, что мне надо сделать. Вот и все.

— Но ты же знаешь, не можешь не знать... — Данила сделал еще один шаг назад. — Люди будут слагать о твоей смерти легенды, но никто не скажет им правды. А даже если и сказал бы... они ее не поймут. Зачем тогда, Иосия? Почему тебе не прекратить все это?

— Люди уже сейчас говорят обо мне разные вещи, — улыбнулся Иосия и как-то смущенно пожал плечами, оглядывая людское море, застывшее у подножия холма. — Но пока они еще не понимают этого. Каждый уверен, что он знает правду. Но ведь это только его правда — каждого отдельного человека, его зеркало, его отражение. Это не Истина. Но придет время, и обо мне будет сказано столько, что всякое произнесенное слово потеряет какой-либо смысл. И только тогда люди узнают то, что должно. А пока же все делают то, что должны. Возьми, — Иосия протянул Даниле молоток и гвозди. — Помоги мне.

— Я не могу... — прошептал Данила, задыхаясь слезами, пятясь назад.

— Но мне больше некого просить, — сказал улыбающийся Иосия. — Видишь, со мной нет никого. Ни одного ученика. Ни одного. Я один. Одни спят сном забвения, другие — бодрствуют в страхе. А эта толпа под ногами хочет видеть, но не хочет делать. Никто не придет, чтобы помочь мне. Неужели и ты откажешь Иосии, мой воин?

— Я... Я... — шептал Данила, не в силах произнести ни слова.

— Ты смотришь в мои глаза, — тихо, но уверенно продолжал Иосия. — Видишь ли ты в них грусть, печаль или страдание?

— Нет, Иосия, — прошептал Данила и заговорил вдруг быстро и уверенно: — Я никогда в жизни не видел более чистых и счастливых глаз, Иосия. Никогда! В них нет ничего, кроме силы великой радости! Ничего, кроме радости!

— Значит, я не обманываю тебя и не лукавлю? — рассмеялся Иосия. — И если прошу, значит, так нужно... Правда?

— Правда... — прошептал Данила, слезы градом катились из его глаз.

— Тогда просто помоги мне, — Иосия улыбнулся, взял Данилу двумя руками за голову и коснулся своим лбом его лба. — Просто помоги Иосии...

Вот сюда нужно будет погрузить крест... — рассказывал Иосия, показывая Даниле на яму. Он придвинул основание креста к отверстию в земле и убедился, что тот встанет туда без проблем.

— Это веревки. За них нужно будет потащить, чтобы поднять крест, — говорил Иосия, привязывая концы толстых грубых веревок к поперечной перекладине креста.

— Ты обопрешься ногами вон о тот камень, — Иосия показал на большой валун метрах в четырех от креста. — И потащишь.

Данила смотрел за приготовлениями Иосии, не понимая, что происходит. Как такое возможно? Неужели он согласился?!

— Поможешь?.. — Иосия нагнулся, поднял молоток, гвоздь и подал их Даниле.

— И нет другого пути?.. — сказал Данила, протягивая вперед дрожащие руки.

— Ты искал Скрижали, чтобы узнать истину, способную освободить людей от страха смерти, — улыбаясь все ярче, все светлее, сказал Иосия. — Сейчас ты открываешь тайну Печатей, чтобы обретенная тобой истина о победе жизни над смертью наполнилась силой. Все так? Я не ошибаюсь?..

— Нет, не ошибаешься... — замотал головой Данила, потрясенный услышанным. — Все так.

— Ты хочешь победить страх смерти, чтобы освободить людей для счастливой жизни... — говорил Иосия, а на его устах светилась одаряющая улыбка. — Так?

— Так, — с замиранием сердца ответил Данила.

— И теперь я спрашиваю тебя... — Иосия чуть склонил голову набок. — Задумайся, Данила, моей ли смерти ты сейчас боишься? Неужели ты боишься смерти того, о ком всю свою жизнь ты думал как о мертвом?.. Или, может быть, ты боишься толпы, что будет осуждать тебя? Или... Ответь себе на вопрос — не твой ли это страх смерти связывает тебе руки, не собственной ли смерти ты сейчас боишься?

Слушая эти слова Иосии, Данила пережил шок. Настоящий шок! Чего он боится? Смерти Иосии?.. Страх чужой смерти — это иллюзия, заблуждение, самообман. Достаточно сравнить его со страхом перед собственной смертью, и сомнений не останется никаких. Это разные, разные чувства! Мы переживаем за себя, когда умирает тот, кто нам дорог. В этом правда. О нем мы скорбим, да. Но мы уже не можем ему сочувствовать — он умер. Мы сочувствуем себе... Или, может быть, Данила боится осуждения? Что он-де убил Христа?.. Как вечно гонимый по земле Каин, проклятый Богом за убийство Авеля. Но разве Даниле есть до этого дело? Разве его интересует, что скажут другие? Что они знают о том, что он переживает сейчас, чтобы говорить и высказывать свое мнение? Они видели глаза Иосии, когда он просил Данилу о помощи? Нет. Они видели его глаза, когда он говорил: «Вокруг меня ни одного ученика. Одни спят сном забвения, другие — бодрствуют в страхе»? Нет, они не видели. И поэтому пусть говорят что угодно! Плевать!

Так чего же он боится?! Чего боится Данила?!

Данила посмотрел на тяжелый молоток и большой грубый гвоздь, вложенные Иосией в его руки.

Да! Он — Данила — боится собственной смерти! Да!!! В этом правда.

— Ответил?.. — рассмеялся Иосия. — И теперь скажи мне, что не позволяет тебе сделать то, о чем просит Иосия?

— Мой собственный страх смерти... — прошептал Данила. — Это мой враг останавливает меня?..

— Не враг. Твои путы... — поправил его Иосия и улыбнулся. — Страх смерти.

— Мой страх... Мои путы, — повторил Данила, и тут в его голове мелькнула шальная мысль. — Иосия, а можно, я?.. Я... за тебя.

Данила показал глазами на крест. Иосия рассмеялся:

— Данила, а если бы я любил, ты бы сказал мне: «А можно, я буду любить вместо тебя?»

— Нет, — ответил Данила. — Я бы не стал просить тебя об этом.

— Но почему же ты думаешь, что можешь просить сейчас? — улыбнулся Иосия. — Ты боишься, Данила, и хочешь ринуться навстречу своему страху. Но разве отчаяние этого поступка говорит о том, что ты победил свой страх? Нет. Броситься навстречу страху — легче простого. Раз, и все. Конец. Но конец тебе, а не твоему страху. А твои путы не ты сам, но твой страх.

Данила закрыл лицо руками. Иосия прав...

— Но ты же Бог, ты не можешь умереть... — с едва различимой надеждой в голосе спросил Данила, понимая, что это его последний шаг к отступлению, последний шаг в угоду своему страху. — Так?..

Иосия ничего на это не ответил. Он подошел к кресту, лег на него, вытянул вдоль поперечной перекладины левую руку, занес над ней огромный гвоздь и... Данила в ужасе зажмурился.

Удар!

Ни крика, ни звука больше. Абсолютная тишина. Данила открыл глаза.

— Видишь, мне будет тяжело без тебя... — Иосия смотрел на Данилу и по-прежнему улыбался, только чуть грустно, совсем чуть-чуть, едва заметно.

Немного выше левого запястья из его руки торчал глубоко воткнутый гвоздь.

Данила сделал шаг и встал на колени рядом с крестом. Он смотрел в улыбающиеся глаза Иосии, утирая набегающие слезы со своих глаз...

— Ты мой воин... — прошептал Иосия. — Будь мужественным. Улыбайся!

И Данила улыбнулся. Он улыбнулся Иосии, потому что тот просил его. Он улыбнулся ему...

Удар!

Кровь брызнула во все стороны. Гвоздь вошел глубоко в дерево.

— Не плачь, — попросил Иосия. — Улыбайся!

Дрожащими, непослушными руками Данила взял другой гвоздь.

— Не плачь. Улыбайся! — повторил Иосия, и он сам улыбался.

В его глазах была благодарность.

Данила подтолкнул крест. Тот скользнул по песку и уперся в отверстие, сделанное для него в земле.

— Молодец, — сказал Иосия, глядя Даниле в глаза. — А теперь возьми веревки, обопрись о камень и тяни.

Данила взял веревки, оперся ногами о валун перед крестом и что есть силы потянул крест на себя. Он старался не плакать. Очень старался...

— А-а! — единым возгласом в тысячи голосов воскликнула стоящая внизу толпа, и тут же смолкла.

Крест медленно и плавно поднялся над Голгофой.

— И только не уходи теперь, — попросил Иосия, глядя на Данилу с креста. — Не уходи, ладно? Просто побудь со мной. Просто побудь...

— Я никуда не уйду, Иосия, — ответил Данила. — Не волнуйся. Я никуда не уйду. Я буду здесь, с тобой. Что бы ни случилось... Я буду здесь.

— Спасибо...

Иосия закрыл глаза и, все еще улыбаясь, что-то забормотал себе под нос. Как будто молился...

Прошло несколько минут, Иосия открыл глаза и посмотрел на Данилу.

— Ты спрашивал меня — Бог ли Иосия? — сказал он. Данила вздрогнул. — Бог, Данила, это тот, кто исполняет наши желания. Вот кто такой Бог. Что человек хочет, то и исполнится.

От дикого пронзающего его ужаса Данила перестал чувствовать под ногами землю.

— Но нет в человеке правды о себе и о своих желаниях, — продолжал Иосия. — Не ведает он, что творит, но действует. И получит все, о чем спрашивает, ибо таков Бог — он исполняет наши желания.

— Я не понимаю... — прошептал Данила. — Я же не хотел вбивать гвозди в твое тело, но вбивал. Или ты хочешь сказать, что я желал твоей муки? — слезы лились из глаз, но нет, Данила уже не плакал, плакали его глаза. — Я не понимаю! Не понимаю!

— Но ты ищешь истину, — улыбнулся Иосия, и алые капли его крови капали на желтый песок.

— Да, но...

— Ты ищешь истину, Данила. И это правда о тебе. Ты таков. А Бог дает всякому то, что тот

хочет. Кто хочет найти истину, тот узрит ее. Кто боится ее сияния, тот останется слепым веками веков. Таков Бог, Данила.

— Но почему я... — Данила, все еще не веря в то, что это может быть правдой, открыл свои окровавленные ладони. — Я прибил тебя к кресту... Я поднял крест... Я этого хотел?!

— Ты ищешь истину, Данила, — повторил Иосия. — И ты найдешь ее. А это... — Иосия покосился на свои руки. — Это — ничто. Это только отражение, которое ты должен был разбить в себе. Оно — неправда. Правда в том, что ты хочешь. Однако же о том, чего человек хочет на самом деле, он узнает лишь в конце пути, когда придет к своей цели.

— Неправда... — машинально повторил за Иосией Данила, и какие-то другие, прежние слова Иосии всплыли у него в памяти. — Это только отражение. Множество отражений... Придет время, и о тебе будет сказано столько, что всякое произнесенное слово потеряет какой-либо смысл. И только тогда люди узнают то, что должно.

— И только тогда... — Иосия улыбнулся Даниле с креста.

— Они поймут, что зеркало — только зеркало? — начал понимать Данила. — Только отражающая поверхность и ничего более?

— Да, мой воин, — рассмеялся Иосия. — Ты понимаешь.

— Но они испытают отчаяние, узнав, что то, что они искали, — есть Пустота! Что же случится дальше?

— Дальше?.. — удивленно улыбнулся Иосия. — Дальше они захотят заглянуть за зеркало...

— Заглянуть за зеркало? — не понял Данила. — Но там ведь ничего нет...

— Там нет ничего, что можно увидеть глазами, — Иосия едва заметно кивнул головой. — Но что-то же отражает свет... Ведь так?

— Да.

— Отполированная до блеска поверхность... — Иосия как-то совсем по-особенному улыбнулся Даниле глазами.

— Чистая душа! — воскликнул Данила. Это было как озарение! Как вспышка света!

Что такое — само зеркало? Это душа человека, лишенная всяких примесей и наслоений! Это чистая душа, никак не связанная с видимым миром, лишь отражающая его и знающая, что все в ней, кроме нее самой, есть отражение.

— Именно! — рассмеялся Иосия. — Чистая душа Мира, которая есть в каждом!

— И поэтому нет ни неба, ни земли, ни царей, ни слуг... — прошептал Данила, понимая всем своим существом то, о чем говорил ему Иосия. Понимая эту истину каждой своей клеточкой, каждой частичкой себя. — И смерти нет?.. — Данила недоуменно развел руками.

— Как может умереть *зеркало*? — рассмеялся Иосия.

— Умирают лишь отражения? — догадался Данила.

— И не может умереть то, что лишь отражает, — улыбнулся Иосия.

— И что же там?.. — Данила поднял вверх одну бровь, словно бы показывая ее изгибом на небо.

— Гармония Света! — счастливо рассмеялся Иосия. — Миллиарды, несчетные миллиарды зеркал, отражающихся друг в друге!

— Отполированные до блеска?.. — у Данилы поднялась вторая бровь, и он почувствовал, как его губы оттаяли, потеплели и начали улыбаться — сами, сами собой.

— Не зря же ты искал Скрижали... — улыбнулся Иосия и сошел с креста — спокойно, ровно, словно и не был к нему прикован, словно просто раскинул руки, готовясь к полету, и теперь — полетел.

Пространство под ногами Иосии сгустилось. Он шел по тонкой полоске света — так, словно бы летел по воздуху. Он шел и смеялся...

— Ты смеешься, Иосия? — прокричал Данила, глядя ему вслед. — Не уходи! Пстой! Скажи мне все-таки — почему ты смеешься?!

— Ты знаешь, — не оборачиваясь, ответил Иосия.

— Нет, я не знаю! — закричал Данила. Иосия обернулся и посмотрел на Данилу.

— Иди ко мне, — крикнул он.

— Я?.. — не понял Данила.

— Иди, — Иосия поманил его рукой. — Вставай на свет...

Данила неловко, испуганно пошарил ногой в воздухе и нащупал твердую поверхность.

Ступил на нее и увидел перед собой линию света.

— У меня получилось! — засмеялся Данила.

— Что ты чувствуешь? — улыбнулся Иосия.

— Что я чувствую? — задумался Данила. — Я чувствую благодарность...

Иосия чуть склонил голову набок и с лукавством прищурился:

— Бог дал тебе то, что ты хотел?

— Да! Теперь я понял это! Да! — прокричал Данила, ускоряя шаг. — Да, Бог дал мне то, что я хотел. Я понял. Я все понял!

— Вот почему я учу о радости, — ответил Иосия. — Ведь Бог поступает так со всеми. Каждый получает то, что хочет.

— Ты смеешься из благодарности... — Данила остановился как вкопанный.

— Я же говорил, что ты знаешь! — рассмеялся Иосия. — Спасибо, мой воин!

Круговерть прерванного, но не закончившегося сна. Данилу крутило как в центрифуге, словно бы он летел по гигантскому извилистому водопроводу. «Теперь я должен проснуться! Я должен проснуться!» — повторял он как заклинание. Параллельные сновидения... Сейчас он снова окажется в замке... Должен быть общий элемент. Один для этих двух снов. Невидимый снаружи, видимый лишь изнутри... Один элемент.

Какой?!

Стоп! Глаза Иосии и Марии! Но если так, то почему же Данила до сих пор во сне? Он же давно заметил, что их глаза одинаковы... Нет-нет... Стоп. Не одинаковы. Глаза Иосии всегда улыбаются, глаза Марии никогда не знали радости. Ни на секунду глаза Иосии не становились грустными — даже тогда, у креста, на кресте. И ни разу Мария не улыбнулась Даниле глазами.

Да, радость и грусть человеческих глаз Данила может увидеть только изнутри сна...

Так что же, Данила должен заставить Марию улыбнуться? Но как?! Разве это возможно?

Разве можно заставить человека улыбнуться?! Разве можно вменить человеку радость?! Бог дает человеку только то, что тот хочет. Только то, что он хочет... Если Мария не знает радости, как она может хотеть улыбаться?..

Данила огляделся. Это была его комната в замке.

— Марк! — Данила забарабанил в дверь. — Марк, я согласен! Слышишь меня, я согласен!!!

Через минут дверь отворилась, на пороге появился Марк.

— Согласен? — переспросил он.

— Да, я согласен.

— С чем? — Марк недоверчиво повел головой.

— Я хочу заботиться о матери своего ребенка, — строго и спокойно сказал Данила. — О нем и о его матери. И я понял, что у меня нет другого выбора, кроме как играть по вашим правилам. Вы все правильно рассчитали, Марк. Вы знали, что я не смогу иначе. Вы знали...

Марк недовольно скривился, слушая признания Данилы. Он не верил ни одному его слову.

Но ведь и у самого Марка не было выбора. Мария с беременностью полностью переменялась. Она более не следовала его указаниям и требовала к себе Данилу.

Она ждала человека, который поселил в ней сомнения. И раз виновником появления этих сомнений был Данила, он же и должен был развеять их. По-другому невозможно... А поэтому Марк был вынужден согласиться.

— Хорошо, — прошептал Марк. — Но поверьте, если вы мне солгали, Данила... Если вы еще хоть раз нарушите свои обязательства... Если вы хоть что-то сделаете не так... Поверьте, я заставлю вас пожалеть об этом!!! Поверьте!!!

Марк ввел Данилу в огромный зал. В тот самый, где Данила впервые встретился с Марией. Мария сидела за небольшим столиком, стоявшим в самом углу, рядом с иконостасом и множеством свечей.

Благородная Анна, как всегда, была рядом. Они читали книгу.

— Блаженная Святая Мария! — пропел Марк. — Что вы читаете?

Но Мария молчала. Искоса она смотрела на Данилу, который стоял чуть поодаль.

— О страданиях Иисуса Христа, принимающего на себя тяжкие крестные муки, — ответила за нее Анна.

— Понятно. Это очень поучительно, — отозвался Марк. — И очень кстати. Я ведь, Блаженная Святая Мария, привел Данилу. Он почти поправился. И будет говорить с тобой ровно столько, сколько ты захочешь... Пожалуйста. Развей свои подозрения! Мы все желаем тебе только добра! Тебе и твоему ребенку! Да, это правда...

Мария встала и подошла к Даниле.

— Прощлый раз ты поняла его неправильно, — продолжал щебетать Марк. — Он говорил вовсе не то, что тебе почудилось. Ведь правда, Данила?

Данила ничего не ответил. Как ему быть?.. Марк и Анна ни за что не оставят его наедине с Марией. А при них он не сможет ничего ей объяснить! Он не сможет сказать ни слова правды! Одно слово — и их растащат, и тогда все, конец.

«Так, стоп! — подумал Данила. — Бог дает мне все, что я хочу. А хочу ли я говорить с Марией? Хочу ли я?»

Взгляд Данилы, пребывающего в глубокой задумчивости, медленно пошел в сторону... И тут краем глаза Данила заметил живот! Большой-пребольшой живот Марии. Как минимум месяцев восемь! Его дочь...

Глаза Данилы наполнились слезами.

«Господи, Мария! — подумал он. — Девочка моя... Как же ты?»

«Я тоскую, Данила, — ответила Мария. — Ты поселил в моем сердце сомнения. Я верю своему брату, потому что люблю его. Но ты поселил во мне сомнения...»

Данила удивленно осмотрелся. Ни Марк, ни Анна не выглядели настороженными. Они не слышат этот разговор! Данила и Мария общаются через глаза! Конечно! Ведь это сон! Это сон! И Даниле не нужен был ни арамейский, ни латынь, чтобы понимать Иосию и Пилата. Конечно!

«Я очень много думал о тебе, Мария, — сказал Данила. — Очень переживал за тебя. Ты перестала плакать?»

«Да, я перестала, — ответила Мария. — Но я очень боюсь. Я очень боюсь...»

«Чего ты боишься, Мария?»

«Я боюсь, что случится что-то страшное. Ведь, когда я плачу, каждая моя слеза тушит горящую серу, что готова пасть на головы людей, — шептала Мария. — Когда я испытываю боль, моя боль держит небесные реки, чтобы не обрушились они на землю страшным потоком».

«Ты так защищаешь людей?» — мысленно спросил ее Данила.

«Да», — беззвучно ответила она.

«Мария, а ты благодарна Богу за то, что Он дал тебе эту роль?» — Данила внимательно смотрел ей в глаза. Они дрогнули.

«Благодарна Богу?.. — задумалась Мария. — Да. Наверное. Я благодарна».

«А как ты Его благодаришь?» — беззвучно шепнул Данила.

«Как я Его благодарю?» — не поняла Мария.

«Да — как?»

«Не знаю, — она едва заметно пожала плечами. — А как надо?»

«Я не знаю, как надо, Мария, — Данила на мгновение отвел глаза, а потом вновь схватил ее взгляд. — Но я знаю, как благодарят друг друга люди...».

«А как они это делают?»

«Они улыбаются и смеются, — сказал Данила, и его глаза едва заметно блеснули. — Они благодарят радостью».

Мария смотрела на Данилу непонимающими глазами. Она действительно никогда не слышала и не знала этого слова!

«Я хочу умереть», — бесчувственно прошептала в ответ Мария.

Данила почувствовал накатывающий на него ужас. Что они с ней сделали?! «Я хочу умереть» — в ответ на слова «радость», «улыбки», «смех».

С трудом Данила взял себя в руки и сохранил спокойствие. Он оглянулся — Марк и Анна пристально следили за ними. Стояли неподалеку, всего в двух-трех шагах, и буквально пронизывали их взглядами.

«Но ты ждешь ребенка», — Данила чуть склонил голову набок.

«Да», — безразлично ответила Мария.

«Ты создаешь жизнь...»

«Да, — согласилась она. — Получается так».

«И, несмотря на это, ты уверена, что ты хочешь умереть?» — усомнился Данила.

«Да. Мне кажется...»

«Человек, который создает жизнь, хочет жизни, а не смерти, — Данила отрицательно покачал головой. — В этом правда».

Мария удивленно посмотрела на Данилу своими большими, глубокими и всегда такими печальными глазами. Потом вдруг положила на живот руку.

«Голкается...» — прошептала она.

«Жизнь...» — сказал Данила и впервые в присутствии Марии улыбнулся глазами.

«Жизнь...» — повторила за ним Мария, удивленно следя за его взглядом.

«Можно?» — слегка смущаясь, спросил Данила и показал, что хочет приложить руку к ее животу.

«Да», — Мария едва заметно качнула головой в знак согласия.

Данила протянул руку и положил на ее круглый живот. Мария как-то странно вздрогнула, а потом сама неуверенным неловким движением, стесняясь, взяла руку Данилы и передвинула ее чуть-чуть правее.

И в эту же секунду кто-то маленький, крошечный, живущий внутри этого большого, необыкновенно прекрасного живота, ткнул Данилу в руку. И Данила заплакал. Слезы полились сами собой. Просто побежали, и все.

«Ты плачешь? — удивленно спросила Мария. — А мне говорил, чтобы я не плакала...»

«Это я от счастья...» — ответил Данила и вытер глаза, но те тут же намокли вновь.

«От счастья? — не поняла Мария. — А что с твоим лицом?»

Она прикоснулась к его губам — удивленная, зачарованная.

«Это?.. — не понял Данила. — Это я улыбаюсь...»

«Улы-ба-юсь...» — по слогам повторила Мария.

«Да, это значит, что мое сердце полно радости...»

«Ра-до-сти...» — повторила за ним Мария.

«Улыбнешься?» — спросил ее Данила.

Мария повела губами. У нее не получалось. Она пробовала еще и еще. И... улыбнулась.

«Да... — прошептала она, и ее глаза осветились, как у Иосии. — Потому что люблю...»

Данилу нашел Андрей. Совершенно случайно. Он поднялся на лифте из бункера и стал бесцельно шататься по проложенным прямо под поверхностью земли бетонным туннелям.

В одном из тупиковых ходов он и обнаружил лежащего без чувств Данилу. И он еще не верит в интуицию!

Страшно об этом даже думать, но что, если бы Андрею не пришла в голову эта мысль — пройтись по этим туннелям? Что, если бы мы так и не нашли Данилу?.. Скорее всего, Данила бы умер от переохлаждения, обезвоживания и истощения.

Но что с ним случилось? Ответа на этот вопрос у нас не было.

— С медицинской точки зрения, — сказал Андрей, проведя исследование, — он в норме. Артериальное давление чуть ниже обычного, частота пульса — пятьдесят восемь, температура тридцать шесть и ноль. То есть все чуть-чуть снижено, но это не критично... Дыхание нормальное. Хрипы в легких есть, но сухие и только в районе крупных бронхов. Не знаю... Нет объяснения.

— Может быть, он спит? — предположил я.

— Анхель, в этом ты точно понимаешь больше нас с Гаптенем, — пожал плечами Андрей. — Попробуешь войти в его сновидение?

И я попробовал. Но ничего не получилось. Я долго не мог понять почему и догадался только после целой череды безуспешных попыток. Каким-то странным образом он оказался запертым в параллельных сновидениях. Такое случается крайне редко, и сам человек по доброй воле в подобную ловушку угодить не может.

Проникнуть же в параллельные сновидения человека можно. Но тут одна странность — ты можешь войти только в то из двух параллельных сновидений человека, в котором он на данный момент отсутствует. То есть я мог быть в «замке» Марка, только когда Данила был в Иудее. И быть в Иудее, только когда Данила оказывался в «замке».

Единственный раз мне удалось столкнуться с Данилой — это когда он переходил из Иудеи в «замок», а я соответственно из «замка» в Иудею. И все, что я мог сделать в этот момент, это сказать Даниле несколько слов: что это параллельные сновидения, что для выхода необходим общий элемент и что Андрей думает про некий эффект зеркала.

— Когда ты говорил, что меня дурачат, что ты имел в виду? — спросил Данила у Андрея, когда все закончилось.

— Что я имел в виду? — задумался Андрей. — Ну, мне просто показалось, что это какая-то буффонада. Анхель рассказывал нам о том, что происходит в твоих сновидениях, и я понял, что все это лишь проекции реальности. Ведь мы ничего не можем знать о Боге. И поэтому разные люди придумывают разные вещи — объяснения, теории, обряды, даже разных богов. Это вполне естественно! Если ты чего-то не знаешь, ты начинаешь додумывать...

— Да, — подхватил Гаптен, — и тогда Андрей стал рисовать схемы.

— Какие схемы? — не понял Данила.

— Разные, — отозвался Гаптен. — Ты же знаешь, он любит. В этом сне смех есть, а в том — его нет. Иосия смеется, а Мария плачет. Марк говорит, что Иосия — избранник, а в Иудее считают, что он полоумный царь. И это при том, что ты думаешь, что он — Бог.

— Я так думал? — удивился Данила.

— Ну, извини, так получалось по его схеме... — улыбнулся Гаптен.

— А... — весело протянул Данила. — Если у Андрея в схеме так, то конечно...

Андрей улыбнулся.

— А я ведь и правда так начал думать, — вдруг совершенно серьезно сказал Данила. — Этот смех! Вы не представляете, что он такое! Это чудо! Самое настоящее!

— Хоть где-то я оказался прав, — отшутился Андрей.

— Знаешь, а про Бога я с тобой поспорю... — оживился Данила.

Вообще говоря, они у нас два великих спорщика...

— В каком смысле? — улыбнулся Андрей.

— Кое-что мы теперь о Нем знаем...

— Это что же такое? — Андрей весело сощурился. — Что Он выполняет наши желания?

Так я никогда в этом и не сомневался!

Данила сконфуженно рассмеялся. Андрей опередил его своим согласием. Предполагавшийся увлекательный спор был загублен на корню.

— И еще я думаю, что теперь известна единственная правильная молитва, — сказал я.

— Правильная молитва? — переспросил Гаптен и нахмурился.

— Да. Бог дает нам то, что мы хотим. И поэтому единственно правильная молитва — это благодарить Его своей радостью...

— И еще! — добавил Андрей. — Я бы тут не торопился... Есть вероятность, что прежде нужно разобраться в себе. Возможно, мы сами не очень хорошо понимаем, чего именно мы хотим — на самом деле. Но ведь получим мы именно то, что хотим. И тут вопрос — то ли мы хотим, что получим... В общем, каламбур получается... Но вы меня поняли. Знать о своих истинных желаниях, понимать их, приводить в порядок и изменяться самим, чтобы они изменились, — это ого-го-го как важно! А то будет потом «мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Смех может получиться и невеселым...

Мы все замолчали. Опустошенность. Устали...

— Кстати, есть какие-то идеи по поводу шестой Печати? — спросил Гаптен. — Это счастье, что мы Данилу нашли. И ведь совершенно случайно! Спасибо Андрею! А если бы не нашли... В общем, вопрос не праздный. — Гаптен посмотрел на меня, на Данилу, на Андрея и открыл Апокалипсис. — Шестая Печать: «И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь; и звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои; и небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих; и цари земные и вельможи, и богатые и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто сможет устоять?»

Я, Данила, Андрей — все мы сохраняли молчание. Страшные пугающие строки.

— Повторюсь... — сказал Гаптен, видимо собираясь с духом, чтобы хватило сил выговорить то, что он собирался нам сообщить. — Всадника не будет. Поэтому... Учитывая, что с пятой Печатью один на один боролся Данила, а мы не имели никакой возможности ему помочь... То могу предположить, что следующим будет кто-то из вас, — он посмотрел на меня и на Андрея, а потом добавил: — Или из нас троих.

Данила побледнел.